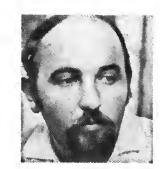
Сергей Новиков

Сергею Новиинову 23 года. Служил в Советской Армик. Работает в Ялтиисиом краеведческом музее, учится на заочном отделении Крымского университета.

Плотник

Ты встанешь спозаранок —
Рука твоя легка,
потом возьмешь рубанок
веселый с верстака,

и стружка рыжнм чубом
взовьется над бруском...
Залахнет в доме чудом
и влажным сосняком,

н сплошь намокшнм лугом,
грозой, что вдаль снесло,
н голубой округой,
промытой, как стекло...

Так кто же ты, умелец,
над стружкой золотой!
Она, как в небе месяц,
Сверкает пред тобой.

А что ж, спучайно разве
словарною строкой
обвенчаны: ты, мастер,
и ты, мастеровой!

Письма к друзьям

Я лисьма дапеким друзьям напншу.
Ну, как вам живется на свете! — спрошу.
Ну, как вам жнвется
в своих городах,
столнцах,
станнцах,
медвежьих углах!..

И как же так вышло,
откуда лрншло,
что по свету ло белу нас размело!
И где же,
с какого же черного дня
я — вас, ну, а вы —
лозабыпи меня!

Да как же случнлось,
что в жнзнн моей
напомнят о вас
то шагн у дверей,
то лочерк чужой,
то приступ тоскн,
да желтые снимкн,
да эти стихн!

Зима в Ялте

Когда над морем снеголад,
все восклнцанья невполад.
И все сравнения не в счет,
когда над морем снег ндет.

И мы молчим с тобой, боясь
нарушнть голосом своим
небес торжественную связь
с накатом волн береговым.

А чайкн хрилпые в порту,
от уднвленья ошапев,
букснрчнку слешат вослед
н снег хватают на лету.

В начале осени

Какой-то сдвнг вокруг... А впрочем,
еще не осень, но уже
все больше листьев у обочнн,
все меньше смуты на душе.

Еще и пробой не отмечен
наш сад н слякоть далека,
но ты встречать меня под вечер
не выбежншь без свнтерка.

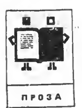
Еще... Но тягой обнаженья
уже лронизано насквозь
лрнроды каждое двнженье:
н веткн взмах н охры горсть.

И как-то нсподволь выходнт,
что с каждым облетевшнм днем
и мы с тобой под стать лрнроде
все обнаженнее живем.

Всепроникающе стремленье
жить без прикрас, н день прндет —
у нас, людей, у них, растеннй,
разобпаченность совпадет.

И лес, дотоле безъязыкнй,
словам не ученный людскнм,
молчанья сброснвшн верпгн,
быть может, языком моим

заговорнт, а я, бледнея,
над тншиной холодных вод
с тобой молчать, как лес, сумею
и петь смогу, как пес поет.

РЫЖИЙ — НЕ РЫЖИЙ...

Рисунки В. СМИРНИЦКОГО.

Глава I

Уплотнились под потеплевшим солнцем мартовские снега, черными оспинками проглянули затвердевшие еще с первых осенних морозов комья вскопанной земли на огородах, потемнели в палисадниках, набухая соками, развесистые заросли акаций и сирени. Бродячие собаки, жавшиеся в зимние холода поближе к скотным дворам, почувствовали весну и теперь уже целыми днями, обняв лапами заспанные морды, дремали на только что пробившихся проталинах. Насыщенный испарениями воздух ломался перед глазами голубовато-призрачной пленкой и лениво тек над землей. По утрам со стороны холмов, поросших дубняком и низкорослой липой, на рабочий поселок железнодорожной станции наплывал непроглядный туман. Он не спеша наваливался на деревянные дома с отсыревшими стенами, заливал по-деревенски просторные улицы и, поглотив поселок, растекался дальше, в сторону города, куда тянулась от станции прямая, разбитая за зиму дорога.

Недалеко от станции, красуясь большими окнами с голубыми ставнями, стоял добротный особняк. Сквозь запотевшие окна робкой синью пробивался рассвет. На диване, возле окна, мертво раскинув руки, спал в верхней одежде хозяин дома Дмитрий Вьюн. Влажно блестело красное, воспаленное лицо. На распираемом грудью пиджаке ритмично шевелились пуговицы. Низкий, с медленным разгоном до захлеба храп Дмитрия Вьюна слышен был в любой из четырех комнат дома. Неудобно подогнутая под спину рука отозвалась болью, и Вьюн проснулся. Вначале он с некоторым удивлением разглядывал комнату и все старался вспомнить, как прошлым вечером добирался домой, но так и не вспомнив, огорченно крякнул. Однако знакомая обстановка и крупные листья фикуса над головой немного успокоили его — дома ведь; в глазах исчезла растерянность, и вместо нее выплеснулся жесткий, повелительный блеск.

— Марья-а-а! — загрохотал Дмитрий.— Марья-а-а! Воды-ы-ы!

На кухне зазвенела посуда, забила струей по жестяному дну вода. Скрипнули дверные петли, и в комнату вошла дородная женщина в шуршащем клеенчатом переднике. Она поставила на пол к дивану полный чайник воды и швырнула на покрытое испариной лицо мужа мокрую тряпку.

— У, и-ирод! Чтоб она те поперек глотки встала! — И по ее крупному, скуластому лицу побежали красные пятна. Марья с ненавистью взглянула на мужа и расстроенно потащилась на кухню.

— Марья-а-а! Воды-ы-ы! — прохрипел опять Дмитрий, на какое-то время забывшись в беспамятной дреме.

— Там она! — откликнулась Марья сочным, басовитым голосом.— Налопался, черт пузатый!

Дмитрий нащупал нетвердой рукой чайник, ухватил его за носик, с трудом приподнялся и жадными глотками стал пить. Вода ручейками скатывалась по небритому подбородку, текла по сильной жилистой шее и расползалась синюшными пятнами на белом чехле дивана. Дмитрий сделал последний судорожный глоток и бессильно откинулся на подушку. Чайник вырвался из ослабевших пальцев, звякнул дужкой и покатился по полу, оставляя за собой мокрую дорожку.

Комната снова наполнилась храпом. Из кухни доносился суетливый шум кастрюль. Марья торопилась приготовить завтрак.

— Петя! Петюша-а! Вставай!

Марья прошла в спальню сына, не дождавшись ответа, сняла с него одеяло и, скомкав, бросила к спинке кровати.

— Воды нет, сынок. За водой бы сходил.

— А чего отец? — сонно тараща на мать глаза, спросил Петька и потянулся к одеялу, кое-как расправил его, набросил на голову и отвернулся к стене.

— Кому говорю — вставай!

Раздраженный голос матери заставил Петьку откинуть одеяло и свесить ноги на охолодавший за ночь пол. Зябко передернув плечами, он сложил крестом руки на груди и покосился на лежавшие на стуле брюки и рубашку, все еще не решившись, одеваться ему или опять лечь в теплую постель.

Василий
КОНДРАШОВ

Бывший военный летчик. После демобилизации по состоянию здоровья в 1965 году работал мастером, начальником цеха, а затем инженером в Саратове. Сейчас работает преподавателем. «Рыжий — не рыжий...» — его первая повесть.

ПОВЕСТЬ

Надо же будить в такую рань! Как будто в школу идти.

Петька бы в два счета сбегал за водой, до колонки каких-то полкилометра, но очень уж не хотелось так рано вставать. Отвык. Почти три месяца прошло, как бросил девятый класс. Теперь и мать редко будила его по утрам, спи себе и спи сколько влезет. Мысль, чтобы Петька не опоздал на уроки, давно никого не волновала в доме, а кое-какие дела по хозяйству, наказанные отцом или матерью, он и без спешки успевал переделать днем, в удобное для себя время. Почти сам себе хозяин.

Петька недовольно заворчал:

— Вечером не могла сказать..

— И где я те буду искать вечером! — воскликнула мать.— Как уйдешь — и завей хвост веревочкой. Умаялась я с вами,— вздохнула с горечью и, просительно глянув в глаза сына, добавила: — Сходи, Петюш! Отец-то последнюю выглохтал. Завтрак готовить нечем...

Петька сонно потянулся, сгоняя дрему, зевнул и клацнул зубами.

— Оденусь вот...

Но не успела мать отойти, как Петька снова повалился в постель.

— Я кому говорю — вставай! — рассердилась Марья.— Хватит дрыхнуть-то!

— Подрыхнешь тут! — уже окончательно проснувшись, поднялся с кровати Петька и стал нехотя одеваться. Его еще долго одолевала зевота, и он, не сдерживаясь, зевал до хруста за ушами, закрывал глаза и при этом покачивался, сидя на краю кровати, вспоминал что-то из вчерашнего дня и огорченно морщил нос, широкий и короткий, с загнутым вверх кончиком. Все говорили, что Петька весь в отца: и лицо круглое, и волосы рыжие, и нос такой же. Некоторые шутили: и учиться оба бросили, только Петька с девятого класса, а отец со второго курса института.

Петька надел поношенную отцовскую телогрейку, проплелся мимо матери и, схватив пустые ведра, громыхнул ими на весь дом. Марья покосилась на сына и молча подбросила дров в голландку. Сырые дрова зашипели, и печь чихнула в комнату дымом.

— Эх, горе! — шумно вздохнула Марья.— Не мог дров с вечера занести. Протух уж винищем-то!..

Слыша причитания матери, Петька удрученно подумал, что верно: отец в последнее время слишком приналег на водку. Или у них, у грузчиков, заведено так: разгрузил вагон—пей, переложил на складах грузы из одного угла в другой — беги за бутылкой. Петька вспомнил, как мать, притащив отца поздно вечером с помощью соседа, проплакала почти всю ночь. Плакала она тихо, чтобы никто не слышал, но до Петьки все же доносились ее приглушенные всхлипы, и он начинал злиться на отца.

Уже выйдя со двора, Петька поправил съехавшую на затылок шапку, обхватил дужки ведер на крючках коромысла, чтобы меньше раскачивались, и направился к колонке. Под ногами сухо похрустывал снег, и Петька с удовольствием подумал, как он накрутит снегурки на валенки и махнет на холмы, где старые лыжни стали твердыми, как наезженная дорога. Петька любил кататься по ним и развивал на спусках такую сумасшедшую скорость, что рисковал, споткнувшись, разбиться о ствол дерева. Он, конечно, знал и не раз испытал на себе, как опасна и коварна лыжня для езды на коньках, сколько уж приходилось дохрамывать до дома с ушибленной ногой или отбитым плечом, и все же Петька любил мартовский снег на холмах, две оледенелые ленты следов от лыж и мелькающие над головой ветви деревьев. Сегодняшний морозец так и манил на холмы, и Петька ускорил шаг.

У колонки он заметил худенькую, сгорбленную фигурку деда Авдея. Наросший у колонки скользким бугром лед не давал приблизиться и зацепиться за рычаг. Дед беспомощно скользил и падал, гремя на всю улицу ведрами, снова вставал, вешал ведра на коромысло и, подрагивая от напряжения головой, упрямо наступал на колонку.

— Здорово, дедуль!

— Здравствуй, внучок,— дед Авдей смущенно замялся на месте.— Вот толкусь тут, как баба-яга в

ступе. Скользиг, проклятая! Ни тебе шагу ступить, того и гляди носом хряснешься.

Почуяв подмогу, дед Авдей поставил ведра рядышком, пристроил на них коромысло мосточком и, усевшись поудобней, полез в карман за кисетом.

— Кажную весну этак вот головой рискуешь. Две войны прошел, а тут напрочь могу снести. Иду за водой и всю дорогу гадаю: доберусь али нет до нее. Она же мне, треклятая, будто баба, по ночам снится. Как думаешь, Петька, доберусь я до нее али нет? — Дед Авдей успел уже смастерить самокрутку и дымил едким самосадом прямо в лицо Петьке.

— Может, и доберешься,— улыбнувшись серьезному тону деда, ответил Петька.

— Я и говорю — колгота одна. Днями-то бабка Матрена так хряснулась — аж днишша у ведер повышибло. Многие говорят — повезло, задницей-то оно помягче. А ну-ка я грудью вдарюсь? Что тогда будет? — И дед с тревогой посмотрел на Петьку.— То-то и оно!

— Надо бы поколоть лед.

— Поколо-оть... Молодые-то гулять горазды. Да ить и без разбегу возьмут!— Дед Авдей затянулся глубоко и задумался, глядя прищуренными глазами на непокоренную высоту из отшлифованного льда возле колонки.— Надоть, какой пупок отлился!

— Я расколю его, дедуль,— пообещал Петька.

— Расколи, внучок, расколи. А то срамота одна старым людям.

— А ты мне про войну расскажешь, дедуль?

Дед Авдей стряхнул пепел с самокрутки, помочалил конец редкими зубами, и складки на его худом лице будто бы тесней прижались друг к другу. Петька уже знал: если дед долго не отвечает, значит, вспоминает и расскажет что-нибудь интересное. Он всегда так: морщится, щурит глаза, изредка вздыхает, глядя в дальний конец улицы, а потом, откашлявшись, начинает рассказывать быль или небыль из своей фронтовой жизни. И в это время Петька боится, как бы кто не помешал им, как бы кто не оборвал слабый, задыхающийся то ли от самосада, то ли от чего еще голос деда Авдея. А рассказывал дед интересно, и про Финскую и про Отечественную. И сейчас Петька ждал и оглядывался, не подходит ли кто за водой и не вышла ли мать на улицу. Осматриваясь украдкой, он прилаживался на свои ведра рядом с дедом, затем попросил самокрутку с расчетом, что тот наконец-то начнет свой рассказ.

— Ты это баловство бросай, Петька! Старики от нервов курят, от болезни. Я вот скажу отцу-матери! — грозился дед Авдей, но Петька уже давно знал, что он никогда не выполнит свою угрозу, да и курит Петька дома в открытую, мать с отцом уж и замечать перестали.— Я те про самолет рассказывал? Это когда мы нашу станцию освобождали?

— Было,— подтвердил Петька.— Три раза рассказывал. Про истребитель, который в наш пруд упал.

— Надоть, как заросла память,— пожаловался дед Авдей и сокрушенно покачал головой.

— Это я сам просил. Три раза.

Дед Авдей подозрительно посмотрел на Петьку, потом вспомнил, видимо, и довольно почмокал губами.

— Так и есть. Это в последний раз, когда моя внучка Любашка урок по хемии не сделала. И в школу не пошла, больной сказалась. Вот те и хемия!

— Ты мне, дедуль, не про «хемию»! Ты мне про войну расскажи! — стал упрашивать Петька.

— Про то и скажу, и про войну, и про хемию.— Дед Авдей последний раз затянулся, выпучив глаза от натуги, подержал сколько мог дым во впалой груди и выдохнул в залатанные колени.— Кажись, в сорок третьем тот случай был. Нам тогда наступать приказано было на эту, как ее, в песне-то поется, когда в живых трое?

— На безымянную высоту,— подсказал Петька.

— На ее самую,— обрадовавшись Петькиной догадливости, часто закивал головой дед Авдей.— Так же вот, на рассвете, кликнул нас командир в атаку, ракетой вверх, и первым бегом в гору. Мы за ним. Для острастки нет-нет да и пульнем с автоматов. А немец реденько бьет, будто выбирает, которые попроворней. Стараемся пошибче бежать, да куда там, снежище такой выпал — до пуза достает. А с моим ростом как ни пыхти, едва успеваешь. Бегу, а сам смышляю, как бы командир за труса меня не посчитал. Он, немец-то, хотя и редко бьет, а метко. Жить кажный хочет! А потом вовсе как посыпет со всех пулеметов, мы и в снег. Лежим, ждем момент. Слышу, командир меня кличет. Давай, говорит, Авдей, как ты самый маленький, скрозь снег проползи и эту вражью доту сничтожь гранатой. Надо сказать, спужался я тогда, а потом озлился: что ж, у меня духу не хватит ту поганую доту сничтожить?..

— И сничтожил? — нетерпеливо воскликнул Петька.

— Да погодь ты! — рассерчал дед Авдей. — Токма разбег взял, а он туда же! Я ить тебе сколь раз говорил — не спрошай, кады разговор веду! Ну, игде я остановился, игде? — вполне серьезно напирал дед Авдей на смутившегося Петьку. Похоже было, он запамятовал, где Петька перебил его рассказ, и теперь не знал, с чего начинать, но признаваться в этом не собирался, во всяком случае, открыто. И вопрос он задал будто бы для проверки, как его слушает Петька.

— Когда тебя командир послал дот подорвать,— осторожно подсказал Петька, боясь снова рассердить деда.

— Так и есть — послал,— согласно кивнул дед, глядя сощуренными глазами вдоль улицы.— Никак бабка Матрена дорогу ногами гребет. Ишь ты, кажись, и новые ведра купила...

— Ты чего, дедуль? — не понял сразу Петька, о чем заговорил вдруг дед Авдей.

— Бабка Матрена идет, толкую тебе,— ответил дед Авдей, с усмешкой в глазах разглядывая растолстевшую соседку, примерно одного с ним года, но еще довольно крепкую старушку.— Ты, Петька, как думаешь, возьмет она нашу высоту али нет? — И он, хохотнув, показал пальцем на колонку.

А бабка Матрена поставила новые ведра к ногам, сразу же, не пожелав доброго утра деду Авдею, набросилась на Петьку.

— Это ты моих гусей карасином напоил?! Ветинар признал — от карасина они занемогли!

— Пусть не пьют...

— Как то есть не пьют? — опешила бабка Матрена. Видно, она ожидала, что Петька будет отнекиваться.— Как то есть не пьют? — снова повторила она, все еще соображая, как быть ей дальше.

— Я же им не водку, а керосин давал...

— Ах ты, ирод рыжий! Я ж тебя за моих племенных!..— и бабка Матрена угрожающе подняла коромысло.

Петька резво вскочил с намерением как можно быстрей удрать, но между ним и бабкой уже встал маленький дед Авдей.

— Негоже, Матрена, коромыслом эдак махать. Не ровен час — скользнешься.

— А ты не встревай!— переметнулась бабка Матрена на деда Авдея и, подперев крупными руками бока, с издевкой проговорила: — Может быть, скажешь, за что он моих гусей карасином напоил?

— А зачем ты палкой Шарика лупишь? — пытался защититься Петька, отодвигаясь на всякий случай подальше от бабки Матрены.

— Она бродячая! Курей жрет! А ты бери ее, бери! И-ишь, какой жалостливый!

— Да у них, Матрена, кажись, три во дворе,— охотно сообщил дед Авдей.— И все, как одна, к ногам ластятся. За четвертую, кажись, отец обещал уши оборвать Петьке. Он, Дмитрий-то, знаешь какой. Что не по нем, похужей зверя становится.

— Однова порода,— проворчала уже более примирительно бабка Матрена и взялась за ведра.

— Набери ей воды, Петька,— попросил дед Авдей.

— Не буду...

— Ну, как знаешь,— очень уж быстро согласился дед Авдей и приготовился наблюдать, как бабка Матрена будет одолевать ледяную горку возле колонки. Тронутые старческой синевой губы сложились в насмешливую улыбку. Но деду Авдею пришлось разочароваться, он даже с неприкрытым сожалением вздохнул, когда увидел, как бабка Матрена удивительно спокойно для ее возраста, правда, не без опаски, легонько так, бочком, будто теснила что-то невидимое, но прочное, подобралась с ведрами к колонке и наполнила их, косясь то на деда Авдея, то на Петьку.

— Как пить дать — гетеу сдавала! — удивленно крякнул дед Авдей.— Нешто и мне спытать?..

Дед Авдей некоторое время поглядывал то на свои кирзовые сапоги, то на удалявшуюся с ведрами бабку Матрену.

Петька помог деду набрать воду и вызвался отнести ведра до его дома, решив на время оставить свои ведра у колонки. Шел Петька молча, размыш-

ляя, почему он таким робким выглядел с бабкой Матреной. Ведь не боялся же он ее — это уж точно. А коромысло — что, Петьку и пристрелить грозились, когда он ночью возле магазина синтетическим клеем лавку намазал. Сторож сел на часок-другой вздремнуть и уснул. А за углом клевал носом Петька, изнемогая от летней духоты, но уходить никак не хотел: надо же дело доводить до конца. Уже часа в три ночи Петька, уверенный, что сторожа прихватило накрепко, вытащил из кармана приготовленную специально рогатку, поточней прицелился маленьким чугунным осколком в бок сторожу и отпустил резинку.

— Караул-ул! Убивают! — дико заорал сторож, оставляя на лавке солидный кусок материала от брюк, и начал палить из ружья, а когда почувствовал, будто кто держит его сзади, закричал в паническом страхе, протяжно и длинно: — Вя-а-а-жу-ут!

На выстрелы прибежали какие-то трое, незнакомые Петьке. Не заметив ничего опасного возле магазина, они стали успокаивать сторожа, уверяя, что это ему приснилось, пока не заметили, к чему и как его «привязали». «Спасители» так дружно принялись хохотать, что Петька не выдержал, вышел из засады и присоединился к ним.

— А тебе чего надо здесь? — окрысился сторож, узнав Петьку Вьюна и стараясь не вставать к нему спиной, чтобы не показать ущербное место на брюках. Очень уж боялся, как бы Петька, злой на язык, не раззвонил по поселку о ночном случае. Эти-то трое были, видимо, приезжими, посмеются меж собой да и уедут. А Вьюн чуть ли не сосед, через улицу живет.

— Проверить хочу, как приклеился,— сглатывая смех, ответил Петька и показал на опорожненную бутылочку из-под клея.— Думал, не хватит.— Он с безопасного расстояния взглянул за спину сторожа и коротко рассмеялся.— А вышло многовато даже. С трусами оторвало!

Поняв, кто виновник этого позорного ЧП, сторож от неожиданности сел, будто собирался поднакопить злости и разом расправиться с обидчиком. Он так резво метнулся в сторону Петьки, что послышался продолжительный треск раздираемого материала.

— Застрелю, рыжая тварь! Дайте мне патроны! Патроны дайте! — Но в ответ сторож услышал дружный хохот и, окончательно осознав свое комическое положение, затравленно сел на лавочку, не отрывая взгляд от Петьки.— Попадешься мне где-нибудь по-тихому, застрелю, как собаку, и в порожняк брошу...

Шагая чуть впереди деда Авдея и вспоминая случай со сторожем, Петька все же решил, что никакой трусости у него при встрече с бабкой Матреной не наблюдалось, просто-напросто ему неудобно было перед дедом.

— Слышь, дедуль,— приостановился Петька,—ты мне доскажи про дот.

— Да ить чего досказывать? Не сничтожил я его. Ранению тогда получил.

— А говорил — химия! — разочарованно протянул Петька и ускорил шаг, уже не надеясь, что дед Авдей отыщет сегодня в своей памяти что-нибудь интересное.

— Она и есть,— охотно откликнулся дед Авдей.— Другой-то везучей оказался, шашку дымную подпалил и в доту бросил — из него дымишша как повалит, и все тем разом к нему. Так и сничтожили.

В дом Петька зайти отказался наотрез из-за Любки — внучки деда Авдея. Может, еще и не ушла в школу. Подумает вдруг, что из-за нее воду несет.

Петька осторожно перевесил коромысло с ведрами на шаткие дедовы плечи и открыл калитку, чтобы тот прошел к крыльцу, затем бегом побежал к колонке, мысленно представляя, что его ожидает дома. Только бы не проснулся отец, а мать поворчит немного и успокоится. Она отходчивая. Отец, тот за ремень сразу хватается или за что другое, чем сподручней отколотить. Особенно злым он бывает на похмелье, когда мучается от невыносимой головной боли.

В коридоре Петька замешкался, приноравливался открыть дверь и не задеть ведром о стену. Мать не любила, если он расплескивал воду в коридоре. Протискиваясь сквозь узко открытую дверь, Петька, как должное, слушал причитания матери:

— Ну, где же ты пропадал? Заждалась ведь! И дрова все прогорели.

— Воду отключали...— соврал Петька, не глядя на мать. «Ну, какой толк,— подумал он,— когда она отругает меня. Только нервы потратит».

— Прямо наказание какое-то! — пожаловалась мать.— Людям на работу идти, а они хулиганят.

Петька молча поставил ведра на кухонную лавку, разделся и подсел к столу.

— Поесть бы, мам.

— На вот! — подала Марья пол-литровую кружку компота и горбушку белого хлеба.— Закуси пока. Прошатался вчера-то.

Ел Петька неторопливо, строил планы на день, но все получалось скучным и неинтересным. Вспоминал деда Авдея и мысленно ругал Любку, что она совсем не помогает по дому. Возомнила себя красавицей, все боится ручки попортить. Вот и приходится деду Авдею на старости лет водяную колонку, как дот в войну, штурмом одолевать. Петька вздохнул, вспоминая его рассказы, и пожалел, что не родился раньше и не мог воевать вместе с дедом. А сейчас что за время пошло — заняться нечем, все школа да школа, одни уроки на уме у каждого. А разобраться — кому нужна эта алгебра? Другое дело — физика... Или радиотехнику учить. А то понавешают предметов для видимости, из школы вышел — и не помнишь ни одного. Умрешь от такой учебы. А в общем, год можно и поволынить, а там видно будет. Студентам вон по закону дают поволынить, какой-то академический отпуск. Академики тоже!..

В это время, не обращая внимания на ворчание Марьи, в комнату ввалился подвыпивший Федор Погорелов. Он работал с Дмитрием в одной бригаде грузчиков. Поводя осовелыми глазами, он сочувственно посмотрел на хозяина.

— Болеешь? А я слегка поправился,— и вытащил из-за пазухи четвертинку с остатками водки, крутнул ее резко и хмуро поглядел на закружившуюся жидкость.— На, глотни — полегчает,— подал Дмитрию.

Тот покосился недовольно, обхватил виски ладонями и промычал, съедая слова:

— Канитель одна... На языке размазать.

Федор хотел сунуть четвертинку обратно за пазуху, но Дмитрий ловко перехватил ее и опрокинул над ртом. Бутылка всхлипнула раз-другой и стихла.

— Марья! — позвал Дмитрий жену.— Дай Петьке пятерку. Пусть сбегает.

— Сбегает,— боязливо передразнила Марья.— С одиннадцати ее торгуют.

— Шатилиха даст. Скажет, для меня.

— Хватит пить-то! — запротестовала было Марья.— Кажный день без продыху...

— Марья,— рыкнул Дмитрий и сузил глаза.

Марья опустила голову и, порывшись в укромном, только ей известном месте, ткнула Петьке в ладонь мятую пятерку, и тот безропотно вышел из дому.

Пока Погорелов тщетно пытался доказать хозяйке, что «похмелка для мужика — первейшее дело», Петька сбегал и поставил на стол поллитровку.

— Ну, как? — исподлобья посмотрел на сына Дмитрий.— Уважают меня в магазине?

— Уважают,— не очень охотно ответил Петька.— Только Шатилиха всех уважает, кто сдачи не берет.

— Поговори мне! — незлобиво прикрикнул Дмитрий.

— Пап, отпусти на улицу.

— Дома сиди, пока я здесь. Приемник свой паяй.

— Это не приемник, а генератор инфракрасного излучения.

— Все равно паяй.

Петька, о чем-то размышляя, направился в свою комнату, где обычно паял радиосхемы. Марья принесла тарелку соленых огурцов и толсто нарезанное свиное сало. Дмитрий налил немного водки в два стакана, достал после некоторого колебания третий, налил в него.

— Петька! — позвал он громко.— Иди сюда!

— Чего ты ребенка смущаешь! — догадалась Марья о намерении мужа.— Рано ему еще.

— Какая разница, когда начнет,— усмехнулся Погорелов.— Все одно от этого дела мужику никуда не уйти.

— Иди-иди, сынок,— подбодрил Дмитрий показавшегося в дверях сына.— Много нельзя, а немного можно.

Петька, опасливо поглядывая на отца, подсел к столу. Дмитрий, никого не приглашая, выпил и снова налил, посмотрел на Погорелова, потом на сына.

— Ты, Петька, можно сказать, только в жизнь входишь...

— Мужиком становится,— кивнул Погорелов на стакан с водкой, стоявший перед младшим Вьюном, и с пророческой ухмылкой посмотрел на Дмитрия: вот и мы, мол, когда-то так начинали, а теперь кулем из пивной таскают.

— Помолчи, Федор, не с тобой говорю — с сыном. Марья!

— Ну, чего тебе? — Дверь в коридор приоткрылась, и в узкий проем боком встала Марья с веником в руке.

— Достань там покупку. К Маю которую... Ну, ты знаешь.

— Делать тебе нечего,— недовольно проворчала Марья, бросила веник куда-то в угол коридора, сняла за порогом валенки с калошами и в шерстяных носках со штопаными пятками прошла в переднюю. Оттуда она вернулась с аккуратным бумажным свертком, перевязанным крест-накрест синей лентой. Под скрещением ленты лежала открытка. Дмитрий принял сверток, вытянул из-под ленты открытку и подал Петьке.

— Читай!

Петька уже догадывался, кому предназначался сверток, но открытку взял неохотно, поглядывая то на отца, то на Погорелова. Ему не хотелось читать при чужом человеке, а отец не замечал этого.

— «Дорогой сын,— невнятно начал Петька и мельком посмотрел на подобревшее лицо отца,— дарю тебе костюм в день шестнадцатилетия и к празднику. Твой отец...»

— Иди примерь,— передал Дмитрий сверток сыну. Петька, заметив перемену в настроении отца, подумал, что самое время попросить у него денег. Он понимал: после такого подарка, хотя и преждевременного, заговаривать о деньгах неудобно. Но как тут не заговорить, когда чуть ли не всю зиму только о них и думаешь.

— Пап, а пап,— осторожно начал Петька, принимая от отца сверток и вкладывая открытку на прежнее место,— мне бы денег...

— Дай ему, мать, рублевку на кино.

— Мне триста рублей надо...— И Петька настороженно втянул голову в плечи.

— Тридцать рублей? — переспросил Дмитрий.— Это куда тебе столько?

— Не тридцать, а триста...

— Хе-хе! Ему костюм в зубы, а он еще триста в придачу. Воистину «дорогой сынок»...

— Помолчи, Федор! — резко оборвал Погорелова Дмитрий.— Мой сын — мне и оценивать.

— Да я что? Оценивай! — усмехнулся Погорелов и в ожидании скандала поудобней уселся на табурет.— Только их, оценщиков-то, и кроме тебя найдется.

— Ну, так для чего тебе триста понадобились? Кутеж заварить с дружками надумал или в карты проиграл?

— Лодку хотел... У нас в пруду ни одной лодки. Наша первой будет.

— Это хорошо, Петька, что наша лодка первой по пруду поплывет,— медленно начал Дмитрий.— Я вот тоже у грузчиков вроде первым числюсь. И не по бригадирству, а так. Но все это чушь, Петька. На кой черт тебе в ту лоханку первым лодку спускать, когда, может, для твоей души корабли сподручней строить или капитаном на них. Садись, Петька, выпей с отцом. Мать, прими у него костюм, пусть полежит до весны.

Петька сел и покосился на стакан с водкой. Вино бы еще куда ни шло, но эта штука!..

— Пей, сынок, за отца своего непутевого выпей, чтоб не его дорожкой!

Петька приподнял стакан, скривился, будто уже пил прозрачную горькую жидкость, затем несмело посмотрел на отца.

— Мне бы лодку, пап...

— Лодку? — Дмитрий приподнялся и налег ладонями на середину стола, чтобы ближе видеть заплывающие страхом Петькины глаза.— А ты их заработал, сотни-то? Я тебе дам такую лодку, ты у меня гвоздем в пол влезешь! Федька, наскреби у себя там, пусть еще сбегает!

— Не пойду! — пробурчал Петька.

— Поговори мне еще! — рыкнул Дмитрий и угрожающе сжал кулак.

Петька вихрем сорвался с табуретки, и только зеленое пальто, на ходу стянутое с вешалки, на мгновение мелькнуло в двери и исчезло.

— Петька-а! — полетело вслед...

А младший Вьюн, хлопнув коридорной дверью, прыгнул через все ступени крыльца прямо на ледяную дорожку двора, не удержался на ногах, ударился боком, почти тут же вскочил и побежал за угол соседского дома. На этот раз отец не побежал за ним, наверно, слишком хмельной был... Петька перевел дух и со злостью пнул консервную банку, подвернувшуюся под ноги. Ну, с чего так разозлился отец? И попросить ни о чем нельзя... Всегда так: выпьет, а на другой день хоть не подходи... И денег не дает. Где их достать, почти триста рублей? Сдавать бутылки? Это же сколько их надо? Целых три тысячи без малого! Ого! А без лодки никак нельзя, без нее дно пруда не исследуешь и самолета не найдешь. Эх, папан, папан! Ну, что тебе стоило? Всего полторы зарплаты.

Петька с тоской посмотрел на небо, которое, кажется, вот-вот обрушится снегом на малолюдную улицу, на исковерканную машинами дорогу и воющие от ветра провода. Он думал: хорошо бы сейчас оказаться в школе. Там идет второй или уже третий урок, и весь девятый класс слушает старенького учителя физики Спиридона Ивановича. Он может бесконечно говорить о знаменитых русских ученых-физиках, о могучей энергии атома. И пусть бы Спиридон Иванович закатил ему в журнал жирную двойку за невыполненное домашнее задание, пусть бы выгнал из класса за поломанный измерительный прибор, ведь все равно на следующий день он мог бы прийти в школу. А теперь что делать? Куда пойти?

На выцветшей за зиму доске объявлений Петька прочитал: «Со второго по пятое марта кино «Гроза». Начало в 10, 12, 18, 20 часов. Билеты продаются».

— Продаются,— повторил Петька, зевнул и зашарил по карманам с надеждой найти мелочь. Нашел всего лишь два пятака, этого, конечно, было мало, и на билет не хватит.

— Эй, паря! — окликнул он проходившего мимо парнишку примерно своего возраста.— Подкати-ка на минутку.

Тот подошел и выжидательно остановился, поглядывая на Петьку настороженным взглядом.

— Дай закурить.

— У самого на раз осталось,— хмуро ответил парнишка.

— А это мы посмотрим,— процедил Петька сквозь зубы и ухватил парнишку за ворот пальто.— Проверим, что у тебя там,— и запустил левую руку в его карман, вытащил пачку папирос, надорванный рубль и расческу, которую сунул обратно.— Только пискни, шарахну, гвоздем в землю влезешь! — И с ехидством добавил:— В долг беру, отдам после дождичка. Проваливай!

Парнишка отошел на несколько шагов и пригрозил:

— Мы еще встретимся!

— Приходи,— усмехнулся Петька.— Деньжат не забудь.

— А вот этого не хочешь? — показал парнишка кулак.

— Проваливай! Проваливай! — повысил голос Петька, и парнишка трусцой скрылся в переулке. Петька закурил, на мгновение пожалел, что не удалось плотно позавтракать, а мать, наверно, не торопилась подавать на стол разогретый борщ, должно быть, ждала, когда уйдет дядя Федя.

Около часа бродил бесцельно по улицам Петька, дразня дворовых собак. По пути помог монтеру, который налаживал линию телефонной сети, размотать моток проволоки, попросил у него когти залезть на столб, но тот отказал, и Петька обозвал его тумаком. Потом заглянул в парикмахерскую, проболтал несколько минут с бывшей десятиклашкой. Она все уговаривала его пройти в кресло и «привести в порядок прическу». Пообещала даже подеколонить. И все без денег. Но Петька, отогревшись, поторопился отказаться от этих услуг, так как считал свою прическу не хуже, чем у других, даже без одеколона.

Петька взял билет в кино, потолкался среди немногочисленных зрителей и один из первых вошел в зал. Он сразу устремился в угол, где потемнее и где, по его предположению, будет мало зрителей. Петька поднял воротник и прикрыл глаза. Кто-то сел рядом, но он не обратил внимания. Нежное комнатное тепло хорошо натопленного клуба приятно ласкало тело, и, сморенный им, он стал всхрапывать едва ли не с первой части фильма, незаметно для себя привалившись плечом к соседу.

— Ты, что, спать, что ли, сюда пришел? — недовольно оттолкнул тот Петьку.

— А твое какое дело? — проснувшись, огрызнулся Петька.— Сопишь потихоньку — и посапывай.

— Хулиган! — раздраженно бросил сосед и отвернулся.

— Сиди-сиди! — пробубнил Петька.— Тоже мне культурный нашелся! — привалился другим плечом к спинке сиденья, и вскоре опять послышалось его легкое с посвистом похрапывание.

К концу сеанса Петька неплохо выспался и к выходу шагал бодрый и в отличном настроении. У выхода он столкнулся с Сергеем Можаруком, бывшим од-

иоклассииком, худым и болезиеииым «очкариком». Петька стоял перед ним, чуть склоиив к груди голову, некоторое время с удивлеиием разглядывал его, потом облапил и обрадованно захлопал по выпирающим из-под пальто острым лопаткам.

— Хоттабыч! Каким ветром? Почему ие в школе?

— Гриппую,— словио по секрету, тихо сообщил Сергей.— Все на работе, а я в кино сбежал,— застеичиво улыбался он и все поправлял очки, укладывая их иа переиосице.

У Сергея были светлые с редеиькой голубизиой глаза и сливавшиеся с цветом лица брови. В первые минуты Сергей заметио радовался встрече с Петькой, но потом стал рассеяиио поглядывать иа крыши домов, на прохожих...

— Слушай, Хоттабыч! Заглянем в буфет? — предложил Петька.— У меия есть на пару кружек пива.

— Ты же зиаешь... Я не могу...

— А я что? Я могу, да? — обиделся Петька.

— Ладио, пойдем,— после иекоторого колебаиия согласился Сергей.

Некоторое время оии шли молча. Петька искоса поглядывал иа Сергея и все гадал, почему он согласился пойти с иим, «отпетым хулиганом», не куда-ибудь, а в буфет. Узнает отец, дальше двора гулять ие пустит.

— Позелеиел ты, Хоттабыч. Как выкрасили.

— Гриппую же...

— Ты всегда такой.

— Может быть,— сиова засмущался Сергей и потянулся протирать запотевшие очки. Ему иеприятио было созиавать, что он такой тщедушный и хилый, что у него дыиеобразиая, сплюснутая с двух сторои голова и что он часто болеет, как никто в классе.— Папа говорит, чтобы я спортом больше заиимался, плаваиием. Наверно, школьной физкультуры мие ие хватает,— вздохиул Сергей и остаиовился, когда Петька приоткрыл дверь станциоииого буфета.— Не пойду.

— Ты чего? — опешил Петька.— То пойду, то ие пойду.

— Не хочется мие...

— Как знаешь,— пожал плечами Петька и захлопиул дверь.— А мие с тобой поболтать хотелось...

— Не в пивиой же.

— Ну, какой ты мужик, Серега! — искреиие посочувствовал Петька.— Читай газеты. В них что говорят? Хорошо поболтать за кружкой пива.

— То для взрослых.

— Я пионерские не читаю. У тебя паспорт с собой?

— Дома...

— Тоже мие, ребеиочек с паспортом! — добродушио усмехиулся Петька и хотел уже добавить: «Вои какой вымахал!»,— ио промолчал, смерив глазами почти детскую фигурку бывшего одноклассиика.— Ну, так что, заглянем?

— А может, на пруд пойдем? — несмело предложил Сергей.— Я тебе покажу вмерзших в пруд лягушек?

— Гожо.

Сергею показалось, будто Петька очень уж охотио согласился прогуляться на пруд. Или, может быть, его действительно заинтересовали лягушки, которых, как ои помиит, тот всегда неиавидел до отвращеиия?

— На прошлой неделе Дед мне по физике двойку закатил, формулы я попутал,— с огорчеиием сообщил Сергей.

— Ои такой, ои не посмотрит, что отличник! Дышит еще?

— На пеисию собирается.

— Он еще с осеии собирался. При мие,— с ноткой довольства сказал Петька, радуясь, что и он еще кое-что помиит о школьиых делах.

— Не могу поиять, почему ты перестал учиться? — спросил Сергей.

— Сам не пойму. Так получилось,— откровеиио ответил Петька.— Не хотелось по литературе и сочииениям двойки хватать. Только и слышишь: родителей вызовем. Попробуй вытерпи! А по школе иногда скучаю.

— Ты и на следующий год ие пойдешь? — полюбопытствовал Сергей.

— Опять двойки хватать и записки таскать родителям? Нет уж! — раздражаясь, ответил Петька.— Пусть другие мозги себе засоряют. Надо главиым предметам обучать, к примеру, чтобы в деиь по пять уроков физики. А та-ак!— И Петька презрительио махиул рукой.— Пойми, голова, дело-то к чему прет. Учеиых больше стаиовится, а иеучеиых скоро по пальцам будешь считать. Газеты читаю! А кто, извиии за выражение, доски из вагонов выгружать будет, дома строить, дороги? Учеиый? Держи руки шире! Ои на такую должность ии в жизнь не согласится! Поэтому, чуешь, как у простого работяги зарплата растет? Мой папаи оцеииваетсея рублями в полтора раза больше, чем твой Спиридои Иваиович, и иа мозги жалуется только с похмелья! То-то, старик! — И Петька, победио выпятив подбородок, ускорил шаг.

Сергей хотел ответить ему, ио ие зиал, что, да и боялся, как бы Петька не иазвал его снова ребеиком с паспортом.

Под сильиыми, увереииыми шагами Петьки ломался и проваливался выжатый морозом сиежиый иаст. За спииой остались крайние дома поселка, высокая водоиапорная башия из красиого кирпича и постройки иедавио укрупнеииого автомобильиого гаража.

— Красиво здесь летом! — остаиовившись на берегу пруда, мечтательио произиес Сергей.— Я летом почти иикогда не простужаюсь, потому что каждый деиь загораю здесь. Хороший у нас пруд, большой, озеро настоящее.

— Дед Авдей говорит, в войну ои раза в два больше был и все берега в деревьях.

— Оии и сейчас в деревьях. Видишь на том берегу самый высокий осокорь? В прошлом году я на верхушку залез!

— А чего тут страшного? Я прыгал с него. Как грохнулся спиной об воду, аж три лягушки животом вверх всплыли.

— А ты как?

— И я тоже. Выудили. Еле отдышался!

— Я слышал, — восхищенио глядя на Петьку, произиес с тихой завистью Сергей. — С верхушки никто не прыгал — убиться можно.

— Можио, — подтвердил Петька. — Как залез на него, прыгать расхотелось, в колеиках заломило. А слезать еще страшней — виизу хихикают.

— А я думал, ты ничего не боишься. Все так думают.

— Так и есть, — хвастливо ответил Петька. — И ты так думай...

— А ты говорил...

— А ты ие слушай...

Сергей как-то странно посмотрел на Петьку, даже очки снял и вздохнул.

— Мне почему-то с тобой хорошо, — сказал и засомиевался.

— Это ты Любке говори,— резко ответил Петька и, оглядывая пруд, добавил задумчиво: — Широкий. И глубииа в некоторых местах метра четыре...

— Пойдем в заливчике лягушек смотреть! Разгребем сиег, лед ладонями отшлифуем — все на дие видио будет.

— Ну их к лешему, — отмахнулся Петька. — Чего на иих глазеть. В школе насмотрелся. Режут их

там ученички и радуются, как сердце живое бьется. Нет бы пристукнуть, а потом уж распарывать.

— Так надо, — пожал плечами Сергей. — Зря ты ушел из нашего девятого.

— Возможно,— неопределенно ответил Петька.

— Не вернешься?

— Не вернусь.

— Плохо. Сейчас всем нужно учиться,— неторопливо говорил Сергей, добавив для большей убедительности: — Век такой.

— А ты знаешь генератор инфракрасного излучения?

— В институте узнаю.

— А я уже знаю...

— Странно. А не хочешь учиться.

— Я хочу знать то, что меня интересует, и давай не будем больше о школе.

— Хорошо, не будем, — согласился Сергей. — Пошли?

— Пошли.

В поселке, недалеко от своего дома, Сергей, загоревшись какой-то идеей, сказал:

— Ты приходи ко мне!

Петька весь подобрался, нахохлился и с некоторой обидой проговорил:

— Как же! Так и разрешил твой отец в гости меня звать!

— А ты приходи! Не бойся! Папа ничего не скажет. Он такой. Хоть сейчас пойдем! — торопливо стал уговаривать Сергей, беспокоясь, как бы Петька не отказался.

— Нет, сегодня не пойду.

— Ну, тогда всего тебе доброго, — прощаясь, протянул руку Сергей.

— Ступай. Свидимся еще, — буркнул Петька и зашагал в сторону своего дома.

Но домой Петька зайти не решился, отец мог не пойти на работу, у него хватало отгулов, и он по необходимости оформлял их «задним числом». Посчитав оставшуюся мелочь, Петька поднял повыше воротник и, ссутулившись, направился к магазину. Что-то жалкое и печальное было в его сгорбленной фигуре. За день ботинки промокли, и по Петькиному телу все чаще пробегал озноб. Петька купил две зачерствелые булочки и бутылку молока. Все это он рассовал по карманам и пошел за магазин, где стояло много пустых ящиков и где можно было хоть немного спрятаться от ветра. Ел он неторопливо, равнодушно оглядывая прохожих. Многие показывали на него пальцем и что-то говорили. Петька не хотел да и не старался узнавать их.

Маленькая бродячая собачонка с обвисшими сосульками шерсти, пробегая мимо, остановилась, затем, беспокойно перебирая передними лапами от голодного нетерпения, поползла к Петьке. Загнанные плаксивые глаза собачонки виновато смотрели на него. Ну, чем она провинилась перед ним? Слабая, брошенная, забытая. Она даже боялась случайно тявкнуть и разозлить человека. Петька осторожно протянул руку и погладил вздрагивающую собачью морду.

— Иди ко мне, иди, цуцик. Жрать хочешь? Это мы мигом.

Петька отломил полбулочки, смочил молоком и сунул под нос собаке. Та напряженно вытянула шею, трусливо взяла хлеб и жадно набросилась на него, терзая немощными челюстями. Петька поднялся с ящика на прозябшие ноги и пошел прочь, не замечая луж. За ним, не отставая, семенила короткими кривыми ногами облезлая промерзшая собачонка.

Глава II

Из города, визжа буксующими колесами и громыхая расшатанными бортами, катил старенький грузовик с одиноким пассажиром в кузове. Пассажир сидел на жиденьком слое соломы спиной к кабине, поджав к груди длинные, с острыми коленками ноги. Сбоку от него, ближе к левому борту, сиротливо валялся туго набитый школьный портфель с крапинками ржавчины на хромированном замке. На замке можно было различить нацарапанное гвоздем или еще чем-то острым: «Андрей Самарин».

— Андрюха, — высунулся из кабины молодой парнишка-шофер.— Тебя к дому подвезти или на станцию, к матери? Я в ту сторону еду.

— Лучше к дому, — глухо ответил Андрей и пододвинул портфель поближе к ногам, уставившись на него грустными, невидящими глазами. Потом его взгляд, растерянный и обреченный, приподнялся над бортом машины и упал куда-то на окраину города, где заметно отсвечивала белизной пятиэтажная средняя школа.

«Эх, папка, папка! Что же теперь будет?» — подумал Андрей и вздохнул со стоном, как только может вздыхать человек, снедаемый внутренней физической болью, особенно если его никто не видит и не слышит и когда нет надобности скрывать ее. Кажется, впервые Андрей почувствовал себя не только одиноким, но и маленьким, беззащитным существом, которое всякий походя может обидеть или неосмотрительно раздавить. Нет, впервые он так подумал о себе после того, как в прошлом году в феврале похоронили отца и в доме без него стало пусто и страшно — вероятно, от мысли, что он должен представить себя взрослым, и не только представить, но и стать им раньше, чем предполагалось в мечтах. Теперь он и на забор, и на сарай, и на весь дом по-иному смотрит: не заменить ли прогнившую доску, не торчат ли на крыше ржавыми шляпками повылезшие гвозди. И все это было так трудно, что приходилось удивляться, когда он успевал и с работой по дому и с учебой в школе...

Память снова вернула Андрея в февральскую зиму прошлого года. Вспомнились ему сорвавшийся с высокой дорожной насыпи тяжелый отцовский грузовик и отец, выброшенный из кабины на острые камни, с неестественно вывернутыми руками и окровавленной головой. Его широко раскрытые остекленевшие глаза вопрошающе уставились в небо. А жесткий морозный ветер с воем закручивал снег и кутал в поземку его тронутые сединой волосы. В уголках глаз, возле переносицы, уже не таявшие, росли белые комочки...

Андрей глубже натянул сильно потертую кроличью шапку, шмыгнул носом и глянул через плечо на приближающийся рабочий поселок у железнодорожной станции. Мать теперь очищает стрелки на железнодорожных путях ото льда и грязи и, уступая дорогу, провожает с метелкой и ломиком в руках суетный маневровый тепловоз. Вечером прибежит домой усталая, холодная, расстегнет видавшую виды телогрейку: «Тепло-то как у нас!» — и улыбнется, благодарно глядя на сына за натопленную печь. Потом про школьные дела его спросит, не опоздал ли утром на уроки, и останется довольной, если он ответит, как обычно: «Ну что ты, ма!» Затем подойдет к нему с доверчивой улыбкой и робко так скажет: «Мне бы, сынок, в дневнике расписаться...» «Среда же, ма!». «Ничего, сынок... Я там, где суб-

бота»,— и медпенно начнет листать еще не обогревшимися пальцами дневник, подолгу рассматривая не такие уж и редкие пятерки на его страницах.

Машина зарылась в туман, проковыляла по узкой дороге на плотине пруда и въехала в поселок. Андрей, не дожидаясь, пока шофер притормозит машину, на ходу, одним махом соскочил с левого борта возле небольшого с зелеными ставнями дома со скворечником под коньком и выше колен утонул в наметенном у изгороди сугробе. Шестилетняя сестренка Светка прильнула к синеватому стеклу и увлеченно глазела, как известный всем ее подругам Шарик дрался со своими сородичами.

— Светка! — пригрозил пальцем Андрей. — Слезай с подоконника! Кому говорят!

Услышав голос брата, Светка радостно тряхнула белесыми кудряшками и вдруг приплюснула розовый язычок к влажному стеклу. Андрей снова с напускной строгостью погрозил пальцем и только после этого вошел через покосившуюся за зиму калитку во двор. Взгляд его скользнул по пьдистой дорожке и остановился на поникшей копне сена. Последнее доедала корова. Дверь сарая приоткрыта, низом вмерзла в лед, верхняя петля едва держалась на двух гвоздях. Андрей с трудом протиснулся через проем внутрь сарая, долго искал среди железного хлама молоток и клещи, но так и не нашел и даже не мог вспомнить, куда он положил их на прошлой неделе, когда ремонтировал ступени крыльца.

В дальнем углу сарая сиротливо стояла автомобильная покрышка с порванным наискось протектором.

«Это когда мы с папкой дизельные моторы в совхоз возили»... «Учись,— говорит,— сынок, управлять машиной», — и уступил место за баранкой на степной дороге. И Андрей, как первоклассник карандашом на бумаге, вилял на грузовике до тех пор, пока не напоролся на забытую кем-то у дороги и перевернутую вверх зубьями борону. Гулко взорвалась передняя покрышка. Андрей от неожиданности бросил баранку и с испугом посмотрел на отца. Тот покровительственно усмехнулся, успев перехватить баранку, и крикнул почти в самое ухо Андрея: «Слезай, мужик! Покрышку менять будем!»

Отец вложил в его руки большой ключ и длинную трубу, которую использовал как рычаг для отворачивания и заворачивания прикипевших резьбой гаек, а сам закурил.

«Открути пока гайки».

И Андрей откручивал, до седьмого пота, с писком и скрежетом. Измазался и устал, но был откровенно счастлив, когда последнюю из гаек положил на землю. Отец же, худой и высокий, с приспущенными от долгой шоферской работы плечами, покуривал в стороне и, довольный, смотрел на сына.

«Ну, как труд шоферский?» — подошел к Андрею, вытер его потное лицо и ласково потрепал по лохматой голове. «Ничего, пап». «То-то — ничего. Но баранку, брат, крепче держать надо. Она, как жизнь, промахов не прощает. По малому или по большому счету, но ответ придется за все держать...»

...Не успел Андрей прикрыть за собой дверь, как Светка прямо от окна розовым колобком бросилась к нему, и он легко подхватил ее на руки, отметив про себя, что Светкино платье в белых оборках было когда-то ярко-красным, а теперь от многочисленных стирок потеряло цвет, на локтях и груди серыми островками показались изреженные нитки. И в этот момент он снова почувствовал себя правым в своем решении, о котором еще придется рассказать матери.

— А почему ты так рано пришел из школы? Ты дневник забыл, да? — затараторила Светка. — Я так и знала — ты вернешься за ним. Я тебе пятерку в дневнике поставила. А потом себе и маме...

— Я вот тебе поставлю! — незлобиво пригрозил Андрей, огрубляя голос до отцовского, и опустил Светку на чистый, с разбросанными игрушками пол.— Есть хочешь? — спросил, вешая короткое пальто и шапку на вешалку возле двери и поправляя на крайнем крючке отцовский плащ-дождевик. Андрей у порога снял полуботинки и прошел к большой, недавно выбеленной русской печке, отодвинул заслонку и ловко подцелил ухватом чугунок со щами.— Садись. Горячие!

— Не хочу, — надулась Светка, представив, как ей придется выплавливать горький поджаренный лук и укладывать на край тарелки.— Я молоко с плюшкой ела.

— Садись и ешь! — строго, как, бывало, отец, приказал Андрей и смешно выпятил губы.

Светка заметила у брата белый клинышек зуба, похожий на мышиный, как на картинках, не выдержала и прыснула в кулачок, затем исподлобья, с лаской посмотрела на Андрея, на его вздрагивающие при еде брови. Ей иногда нравилось тянуться к ним ложкой, потому что они шевелились, как лохматые гусеницы. Но наедине с Андреем, без матери, она побоялась это сделать: а вдруг он, как папка, поставит ее в угол, заведет будильник и скажет: «Как зазвенит — выйдешь. Прощенья не проси — ты уже несколько раз просила, и я тебе не верю». А когда в углу стоишь, часики так медленно-медленно тикают и совсем не хотят звенеть.

— Тарелку после себя помой,— попросил Андрей Светку,— а я подремлю немного,— и направился было в переднюю комнату, но в это время хлопнула входная дверь, и на кухню ввалился Петька Вьюн. Он был в залатанной телогрейке, в серой фуражке с нелепо длинным козырьком и огромных, наверное, отцовских сапогах с голенищами выше колен. С круглого затылка Петьки в куцый воротник телогрейки рыжей заплаткой уперлись густые волосы. Бегая по сторонам хитрыми насмешливыми глазами — нет ли дома матери Андрея? — он наконец протянул Андрею небольшую толстопалую руку.

— Я видел, как ты с машины ахнул! Здорово, профессор! — и улыбнулся во весь свой большой рот, будто не видел Андрея по крайней мере с месяц.— А я вижу — приехал. Ты мне вот так нужен!—И Петька, закрыв на секунду глаза, перехватил пальцами горло. — Все магазины облазил! Одно талдонят: нет и не будет в ближайшее время. Индюки! — выругался Петька.— Проволочное сопротивление на сто восемьдесят ом сто восемьдесят раз в «Эфире» заказывал. Забывают! У тебя есть?

— Пороюсь. Зайдешь попозже.

— Ты на продавца «Эфира» смахиваешь. Зайди попо-озже! — передразнил Петька и с обиженным видом засунул руки в карманы.

— Ладно,— нехотя согласился Андрей,— посиди, я сейчас. — Он вышел в коридор и вскоре вернулся с маленьким ящичком. — Смотри сам. Может, подберешь что, — равнодушно бросил Андрей, прошел к столу и насухо стал протирать его тряпкой. Петька по-хозяйски расположился у порога: снял телогрейку, расстелил ее на полу и, приговаривая: «Это мы сейчас! Это мы мигом!» — высыпал содержимое ящичка на телогрейку. Некоторое время Петька с полуоткрытым ртом разглядывал груду зеленых, синих разных деталек, потом начал осторожно раскладывать их тонким слоем, чтобы можно было рассмотреть каждую в отдельности и отобрать нужную.

Но как ни копался, подходящего сопротивления он не нашел, лишь отложил в сторону несколько подстрочечных конденсаторов и два триода, что по сравнению с остальным содержимым ящика выглядело чуть ли не верхом скромности.

Когда Петька приподнял голову, он почувствовал, как неприязненно смотрит на него Андрей.

— Ты же просил проволочное сопротивление?!

— Ну! — уловив недоброе в голосе Андрея, нахохлился Петька и выжидательно прищурил глаза.

— Насколько я понял, ты не нашел его. Положи все на место,— холодно сказал Андрей.

— Жмешься? — медленно вставая, проговорил Петька и с видимым усилием просительно добавил:— Ну, хотя бы один триодик... Вот этот.— И он покрутил между пальцев черную детальку с тремя проволочными усиками, напоминающую внешне первый спутник Земли.

— Так и быть — бери. Все бери! И ящик и все, что в нем, — раздраженно выпалил Андрей и повернулся, чтобы скрыться в другой комнате.

— Ты не психуй, ты обожди, — неуверенно начал Петька, не зная еще, радоваться или нет такому неожиданному подарку. — Я ведь не принуждаю тебя, я прошу...

— Бери, чего уж... — более спокойно сказал Андрей и снова подошел к Петьке. — Какой из меня теперь радиолюбитель. Я, Петька, из школы ушел...

— Ты что?.. Как ушел?..

— Так вот... Совсем ушел,— неожиданно разоткровенничался Андрей, хотя они никогда не были друзьями.

— Как совсем? Выгнали? — недоверчиво переспросил Петька.

— С чего это — выгнали! Сам ушел.

— Ну, ты дае-ешь! — И Петька перестал улыбаться. — А в общем, молоток, — подумав, добродушно похвалил он и прислушался: не шумнуло ли где в коридоре, не прибежала ли, случаем, с работы мать Андрея проведать Светку. После того, как Петька бросил школу, она запретила ему приходить сюда. — Что толку учиться? Вон мой папан... Аттестат зрелости отхватил, два года в институте проучился, а все равно грузчиком вкалывать пошел. И ничего! Двести рублей заколачивает!.. — Петька на некоторое время замолк, вспоминая что-то, потом добавил: — А я вот, как школу бросил, так он меня ремнем лупцевал по соответствующему месту. Однажды пришлось из дому убежать, в стогу соломы ночевал...

— Помню,— улыбнулся Андрей.— Тебя тогда наш участковый милиционер из омета за штаны вытащил. Ну, и орал же ты!

— Поорешь... — несколько смущаясь, ответил Петька. — Отец разок саданет по затылку — и звезды в глазах. Теперь почти не трогает, ждет, когда подрасту, чтобы деньги шел зарабатывать. А я не тороплюсь, вкалывать всегда успею.

— Балабон же ты, Петька! Деньги... Конечно, без них нельзя. Но неужели вся жизнь в деньгах?

— Ты мне про жизнь не толкуй, ты про нее ничего не знаешь. И я не знаю. Папан говорит, жизнь — сложная штука, ее раскусить надо. Папан не раскусил, а мы с тобой и подавно. Закурить можно? — И Петька, не дожидаясь разрешения, достал пачку папирос.— Держи! Настоящий мужчина должен курить. Я вот уже без курева не могу — слюной исхожу,— приврал он.

— Давай попробую,—не отказался Андрей и закурил, сделал, как Петька, глубокую затяжку. Голова закружилась, на глаза накатились слезы.— Эх и дерет!..

— А ты покороче, покороче,— стал объяснять Петька.— Разве так можно по первой? Поначалу надо чуть-чуть вдыхать, а потом все как по маслу пойдет. Смотри! — И он показал настоящую мужскую затяжку, выпустив под конец к потолку пляшущие кренделя дыма.— Ну как? Коронный номер!

— Здорово, Петька! Кто тебя научил?

— Дядя Федя! — самодовольно улыбнулся тот, бросил окурок к печке и полушепотом добавил:— Дело есть!

— Какое?..

— Деньги нужны? Нужны. Мой папан говорит, что твоя мать без мужика-то совсем замоталась. Соображаешь?

— Не очень...

— Эх, ты, профессор! — снисходительно усмехнулся Петька.— У меня трояк есть. Понял? Бутылки сдал. У тебя во дворе тонкая труба метров десять длины. Я тебе деньги — ты мне трубу. Гожо?

К Петькиным делам Андрей не испытывал никакого любопытства, и даже таинственный шепот Петьки не заинтриговал его. Андрей решал: продать или не продать трубу и пригодится ли она в скором времени по хозяйству. И еще он думал, что три рубля — деньги небольшие, но за них можно купить Светке новое платье. Это было бы как раз в пору, весна наступила. А Петька уже держал деньги наготове и нетерпеливо переминался у порога, готовый в любую секунду сорваться с места и сбежать: приближалось время обеда и могла прийти мать Андрея, да и не терпелось получше рассмотреть содержимое ящичка.

— Забирай трубу.

— Гожо. Ну, бывай! — Петька удовлетворенно бросил Андрею растопыренную пятерню и толкнул дверь в коридор, откуда пахнуло весенней сыростью и терпким запахом веников.

Андрей облегченно подумал, что наконец остался один. Сейчас ему никого не хотелось видеть. Особенно большое беспокойство он испытывал от предстоящей встречи с матерью. Ведь она еще ничего не знает. Не знает, как в канун Нового года он, почему-то робея, подошел в конце уроков к преподавателю физики Спиридону Ивановичу и сообщил о своем намерении бросить школу. Страшно расстроившись, Спиридон Иванович накричал тогда на него и, не желая выслушивать объяснения, поспешил к директору школы. А на другой день Андрей уже сидел в кабинете директора и, запинаясь, доказывал, как необходима его помощь матери, стыдливо сглатывая слова о постоянной нехватке денег в семье. А когда кончил, уперся глазами в стол, чтобы ничего не видеть, и ждал, что скажет директор, в душе надеясь: может, он разубедит его. Но директор, поднявшись из-за стола, отошел к окну и долго смотрел на улицу, будто совсем позабыл про Андрея. И когда он вдруг заговорил, директорский кабинет, и шумная школа с длинными коридорами, и школьные друзья будто отодвинулись от Андрея и стали по другую сторону какой-то невидимой, но непреодолимой линии.

— Мне нечего тебе возразить, Андрей, как ни жаль терять хорошего ученика. Но не откладывай, раз решил, сразу же иди в вечернюю школу...

Каким же чужим показался себе Андрей, закрыв дверь директорского кабинета. Вроде те же знакомые девчонки и мальчишки, подпирая спинами стены школьного коридора, панически зубрят в перемену недоученные уроки, проходят усталые преподаватели с журналами и учебниками под мышкой. Все они останутся здесь, а он уйдет. И от этого становилось тоскливо и одиноко.

После разговора с директором прошло довольно много временн, но ни Спиридон Иванович, ни директор не напоминали о нем, хотя Андрей ло-прежнему продолжал учнться в школе. Его не страшила работа, но лишь та, которую он знал илн наблюдал со стороны. А лоходя только и увидишь, как вагонные слесари не спеша ндут вдоль длинного железнодорожного состава и постукивают молотком по чугунным колесам, чтобы не пропустнть трещины в ннх; или наблюдаешь работу грузчиков на складах да еще стрелочниц. Как же все зто скучно и неинтересно. Другое дело — завод. В последнее время Андрей замечал, как все чаще и чаще какая-то таинственная, еще не осознанная сила тянула к нему, и все не решался признаться себе в зтом. Возможно, боялся. Проходя городскими улицами, иногда он будто случайно сворачивал к заводу и шел вдоль его нескончаемого каменного забора, словно старался лривыкнуть к зтой громадине из корпусов с арочными крышами и высокнми трубами, уходящими в небо. А на следующий день, утром, едва протерев глаза после сна, он отыскивал глазами лортфель возле стола и думал, что вот снова возьмет его и отправится в школу. А мать тем временем не знает, как растянуть на месяц свою зарплату. Андрей не раз замечал, что чай в ее стакане не всегда был достаточно сладким. Мать сваливала на зубы, болеть, мол, стали, но Андрей-то знал, как они у нее болят...

Андрей взял книгу и лег на диван. Взгляд его скользнул по стене, оклеенной светлыми обоями, и остановился на фотографии отца. В черном костюме, с галстуком, скуластый, он выглядел несколько неестественно. Андрей помнил его в жизни не очень строгим. Только глаза, глубокие и серьезные, остались теми же. Андрей любил их и боялся. Вот и теперь они смотрели на него открыто и упрямо, будто спрашивали: «Бросил, значит, учиться? Думаешь неучем за станок встать или за баранку сесть? Шалишь, брат! Скоро и шоферам высшая наука лотребуется!»

Андрей отвернулся.

Скрипнула дверь, в комнату кто-то вошел. По радостному Светкиному возгласу Андрей понял — мать. Вот сейчас она войдет, добрая и тнхая, станет сразу теплей и легче. Нет, нет! Тяжелей! Ведь ей нужно рассказать обо всем! Вот сейчас пронесет она в шифоньер толстый пуховый платок — подарок отца к Октябрьскому празднику — и, как всегда, скажет сыну, утопив прохладные огрубевшие пальцы в его спутанных волосах: «Ты бы причесался, сынок. В школе не ругали?» Она почему-то всегда думала, что его ругают преподаватели, хотя он уже и не помнит, когда в последний раз получал двойку.

— Ты почему не в школе? —совсем рядом раздался негромкий удивленный голос матери.

Андрей встал, высокий, поникший и, не глядя на мать, пробормотал:

— Ушел я... Работать лойду,— сдвинул бровн у переносицы и отвернулся.

Мать встрепенулась, рукн ее, словно хороня что-то дорогое от надвигающейся беды, взлетелн к груди.

— Тебя исключили? — спросила она, все еще с надеждой глядя в затылок сына: а вдруг ослышалась, вдруг сын просто шутнт с ней.

— Скажешь тоже,— с обидой, не поворачиваясь лицом к матерн, ответил Андрей и торопливо, опасаясь, как бы не перебилн, зачастнл: — Понимаешь, мама, я уже взрослый, помогать буду. Тебе трудно одной без папы...

— Что ты, сынок!— нспуганно запротестовала мать, и на глазах ее показалнсь слезы.— Ты должен вернуться в школу! Отец не простил бы нас!..

— Работать лойду,— тихо, но упрямо сказал Андрей и осторожно высвободил руки.

Наверно, влервые мать услышала в его голосе жесткие нотки. Сын стоял насупленный, раскрасневшийся от волнения н с жалостью глядел на мать, на ее шершавые, в ссадинах рукн, на землистые морщинки возле глаз. А какой она казалась красивой и молодой, когда был жив отец!

— Не плачь, мам... Я буду учиться. В вечерней...

Около днвана, прижавшись спиной к стене, стояла Светка н молчаливо прнслушивалась к разговору. Мать попроснла ее лойтн погулять на улицу и все ждала, пока она оденется н выйдет. Увидев дочь через окно, мать снова вскннула глаза на сына, но в этот момент кто-то грузный и тяжелый, громыхнув дубовой дверью и поскрнпывая лоловнцами, затоптался возле вешалкн.

— Эй, хозяйка! Дома, што ль?

— Дома,— наскоро вытнрая слезы ладонью, ответила мать и пошла на кухню. — Проходи, Федор.

— Эх, Викторовна! Олять я к тебе лришел! — пробасил Федор, идя за ней в кухню, и со стуком опустил на стол поллитровку «Экстры».— Больше года уж хожу. Плачь не плачь — не вернешь... — Погорелов сглотнул слюну и продолжал: — А я вижу — идешь. Ну как не заглянуть. Скучаю я по тебе. Ты, Нинка, баба что надо. Без мужика тебе ннкак нельзя... Выпьем, што ль, по махонькой. Я седнн себе выходной лрописал,— и хохотнул, радуясь, что смог обойти кого-то и увильнуть от работы. — Сообрази-ка стакан и луковку.

Нина Викторовна со скрытой досадой достала стакан н луковнцу н села в стороне на край стула. Скрытная, немногословная, она еще прн жизни мужа невзлюбила Федора, но встречала каждый его прнход с бутылкой молчалнво и почтн безропотно.

Погорелов с присказкой «Ну, будем» в два глотка олорожннл стакан, крякнул н шумно потянул носом. Крупная луковнца захрустела у него на зубах.

— А что, Нинка,— пьянея, смелей заговорил Федор,— твое дело вдовье, не пригласишь ли меня попозже ночью двумя-тремя словамн перебросяться? Оно ночью-то сподручней для разговоров разных.

— Отчего попозже? Можно и сейчас.— Нина Викторовна оглянулась, закрыта ли дверь в переднюю, н пододвинулась к столу. — Чего откладывать,— устало проговорила она, уже не в силах скрывать неприязнь, тем более, что все мысли сейчас были о сыне.

Почти со дня смерти мужа Федор Погорелов не давал ей покоя. Часто в ночную смену вндела она его одинокую, горой надвигающуюся нз темноты, сутуловатую фигуру. Обычно хмельной, лодойдет, усядется на рельс и курит, курит. Тоже ведь не сладко бобылье житье. Как умерла жена, уж без малого трн года прошло, опустился Федор, размяк, на подолы бабьи стал поглядывать, шалея от хмельной одури. К Нине Викторовне он относился особенно, с уваженнем н даже с некоторой робостью. Прн встрече с ней, пытаясь заговорнть, но чувствуя с ее стороны холодок, безропотно уходил восвоясн, если, конечно, не был пьян. Видно, чем-то запала она в его заскорузлую душу, поставнла лерсд ннм невидный барьер, который он не решался лереступить. Нередко заглядывал Погорелов и в дом Самариных, но из-за настороженного отношення к нему Андрея обычно долго не задержнвался, боялся, как бы Нина Викторовна не запретнла прнходить.

— Ну, что ты злишься на меня,— продолжал Погорелов.— Что Пашка погиб, а я жнвой? Может, н меня завтра вагоном шибанет, колесом хребет переедет. Так что ж теперь?

— И шибанет, Федор. Слабый ты. Водкой горя не зальешь, а новое нажить легче.

— Зальешь — не зальешь, а оно как-то на время спокойней на душе. Одиночество, холод домашний забываются. По неделям ведь не топлю.

— Какого еще тебе спокойствия надо? Или у тебя семеро по лавкам за полу тянут, или угла своего нет? И при заработке.

— А что угол без хозяйки? Отсырел уголок!..— Погорелов налил второй стакан, выпил залпом, и тяжелая голова закачалась на шее. К закуске он не притронулся.

Отходчиво бабье сердце, и Нина Викторовна с острой жалостью почувствовала что-то общее между собой и Погореловым.

— Эх, Нинка! — И жесткая ладонь Погорелова как бы невзначай легла на колено Нины Викторовны.— С такой бабой, как ты, всю жизнь бы свою перепрокинул! А одному-то как оно!.. — Погорелов неуверенно встал за спиной Нины Викторовны и неловко обнял ее за плечи.— Дом продам, хозяйством одним заживем. Хошь — ко мне переберемся...

Нина Викторовна встала и вяло отстранила Погорелова.

— Андрей школу бросил...

— Не пропадет. Не всем институты кончать. Ты о себе подумай. Года, как ветер... Бабий век короток. Не успеешь оглянуться, а он и кончился. Кому нужна-то будешь! — и так крепко сжал руку Нины Викторовны, что та невольно охнула.

— Пусти, Федор! Пусти!

Но Погорелов лишь на секунду разжал пальцы, пытаясь левой рукой обнять Нину Викторовну.

— Уходи, Федор! — выкрикнула Нина Викторовна, безуспешно стараясь вырваться из грубого объятия Погорелова. — Уходи!

— А ну, отваливай отсюда! — пригрозил вбежавший в кухню Андрей. В его руках рогатился ухват.

— Но-но! — отступая боком к двери и нащупывая правой рукой шапку на вешалке, будто предупреждая, проговорил Федор.— Не испугаешь! А у матери тоже одна жизнь! — И Погорелов вышел, на прощание презрительно глянув на Андрея.

Через несколько минут Нина Викторовна, сказав сыну, что она сегодня на четыре часа задержится на дежурстве, тоже ушла. Андрей бросился на диван и закрыл лицо руками, а в ушах все продолжал рокотать голос Погорелова: «А у матери тоже одна жизнь».

Уже поздно вечером, уложив Светку спать и оставив на кухне непогашенным свет, чтобы, если проснется, не испугалась в темноте, Андрей оделся, как обычно одевался в школу, и вышел на улицу, закрыв дом на замок. Он еще не знал, куда пойдет, но одному оставаться в доме не хотелось, появилось смутное желание с кем-то поговорить, посоветоваться, хотя и знал — такого человека после отца не существует. К тому же до сих пор не решил, куда пойти на работу. Попробовать на завод?..

Споткнувшись об оледенелую кочку, Андрей остановился и осмотрелся. Темная улица обезлюдела, за всю дорогу ему, кажется, не встретился ни один прохожий. Почти в каждом доме желтели подсвеченные электрическим светом окна, но свет от них не доставал до дороги, рассеивался в палисадниках или вязнул в густых заросля сирени.

Заглянуть к Сергею Можаруку? Рядом как раз его дом. Им часто приходилось решать вместе школьные задачи. Сергей решал их с завидной легкостью, и, наверно, потому одноклассники, жившие в поселке, часто забегали к нему за помощью, а то и просто так, поболтать о пустяках, послушать новые музыкальные записи на магнитофоне.

Андрей уже повернул к дому Можарука, с крыльцом и четырьмя окнами на улицу, но около калитки остановился, почувствовав вдруг себя чужим там, среди своих одноклассников. Он завтра не будет сидеть с ними в классе, а после уроков не покатится наперегонки со школьной горки на собственном портфеле... Нет! Лучше в клуб! Где музыка и танцы, где много взрослых.

У входа в клуб Андрей снова встретился с Петькой. Тот стоял, опершись плечом о столб. Из длинной черной трубки, стиснутой зубами, перед Петькиным носом вытанцовывал грязно-серый дым.

— Эх и кадило! — удивился Андрей.— Прямо труба паровозная!

— Я ее, понимаешь,— ткнул Петька в жерло «паровозной трубы»,— у цыгана одного выменял и специальной смесью начинил, чтобы курилась по-настоящему. А папиросы что? Никакой видимости.

Как ни старался Петька свободно держать трубку во рту, она у него прыгала и моталась, изрыгая дым и пепел. Он поправил зеленую кепку, подкрутил и без того лихой рыжий чуб и с неодобрением посмотрел на Андрея.

— Ну, и шмотье на тебе — уголек разгружать!

— А ты что, на свиданье собрался?

— Угадал,— усмехнулся Петька.— Ждал тут одну.

— Ну и как?

— Как видишь... А в клуб неохота — не люблю эти танцы.

— Гнал бы домой. От скуки.

— Думаю...

— Я бы на твоем месте не думал — развернулся и пошел.

— Думаю, как бы триста рублей сотворить. Ты не займешь?

— Смеешься.

— И никто не займет,— обреченно проговорил Петька.— А жаль. Лет через пять, честное слово, отдал бы.— Он со злостью влепил в стенку клуба плевок и зашагал в темноту, а Андрей пошел в клуб.

Он пробрался в дальний угол зала, сел на свободный стул и без всякого интереса стал наблюдать за танцующими.

Некоторые кивали ему головой, приветствовали улыбкой. В клубе действительно было много его знакомых. Среди танцующих он увидел и одноклассницу Любу Новоскольцеву, самую красивую среди девчонок класса. В нее были влюблены все без исключения и, может быть, чуть больше остальных Андрей Самарин. Ему нравились ее синие озорные глаза и тонкие каштановые волосы. Когда она украдкой бросала на него взгляд на уроке, он краснел и отворачивался, не замечая, как ее губы вздрагивали от счастливого беззвучного смеха, который она торопливо прятала в кулак. Андрей сидел на первой парте и, чтобы не оглядываться, открывал створку окна так, что Люба хорошо была видна в оконном стекле.

После этого Люба уже не замечала робких взглядов на уроках и очень злилась. О своей тайне Андрей не говорил никому, а Люба стала посылать ему короткие злющие записки...

Люба вынырнула из-за спины долговязого парня и едва не столкнулась с Андреем.

— Вот уж не думала, что ты придешь на танцы!

— А я случайно зашел,— ответил Андрей.

— Как же,— перестав улыбаться, с некоторой иронией сказала Люба.— Ты теперь человек занятой, в рабочий класс подаешься. И никому ничего — тайно!

В голосе Любы прорывалась обида. Что мог ответить ей Андрей? Рассказать, как стало трудно в семье без отца, и вызвать сочувственную улыбку? Да и вообще не так уж и плохо у них.

— Это никому не интересно.
— И мне?
— И тебе.
— Ты стал удивительно легкомысленным человеком, а мы в классе все тебя считали серьезным.
— Считали, значит...
— А как же ты думал? Велика ли мудрость — бросить школу. Мне тоже ужасно надоело учиться, но, увы, без среднего образования высшего не получишь.
— Дважды два — четыре. А какое ты хочешь высшее? — не без умысла спросил Андрей.
Люба опустила ресницы, чтобы скрыть минутную растерянность.
— Не важно, какое. Высшее — и все.
Андрей взял Любу за руку и, выбрав момент, вошел в толпу танцующих.
Люба вскинула глаза на Андрея и долго молча рассматривала его, отметив про себя, что он похудел, держится независимо и делает вид, что она ему безразлична. Это разозлило ее, и она поняла, что не успокоится, пока не проверит.
Люба скосила глаза в сторону, заколебалась на секунду и затем ловко подставила голову под работающий, как поршень, локоть долговязого парня. Удар пришелся в затылок. Люба тотчас остановилась и закрыла лицо руками, украдкой наблюдая за Андреем. Андрей молча смотрел на Любу. Смотрел на нее и долговязый, часто моргая подслеповатыми, близорукими глазами, и виновато повторял:
— Извините, пожалуйста! Так много народа... Извините...
А Андрей все молчал и растерянно смотрел то на Любу, то на парня. Наконец Люба медленно отняла руки от лица, вспыхнула негодующе и выкрикнула Андрею:
— Трус! Жалкий трусишка! — Круто повернулась, гордо тряхнула длинными, до плеч, волосами и направилась к выходу.
Андрей ничего не ответил и отошел к окну, чтобы посмотреть, куда и с кем пойдет Люба. Он так и не увидел ее; вероятно, она прошла в другую сторону.
Домой он возвращался один. И надо же сказать такое: «Трус!» А если бы он ударил того парня, ушла бы Люба? Возможно, и не ушла бы. Но за что бить парня?
Андрей уже почти дошел до дома, когда решил вдруг проведать мать, зайти к ней на работу. Он представил ее с метелкой на тускло освещенных железнодорожных стрелках, одинокую и маленькую, и конечно, с мыслями о нем, и ему стало страшно, когда представил, как мимо нее на зеленый огонек светофора, не сбавляя скорости, прогрохочет, рождая ветер, тяжелый товарняк, и ей не устоять рядом: захлестнет тугою струей, как веревкой, и швырнет под колеса. Андрей невольно ускорил шаг, затем побежал, часто спотыкаясь в темноте о затвердевшие гребни снега.
Он знал все закоулки на окраине рабочего поселка и не сомневался, что безошибочно выйдет на выходные стрелки или на будку. Скоро уже должны прорезаться в темноте зеленые или красные огни светофоров. Он только успел подумать об этом, как увидел их: сначала один красный, потом еще и еще — значит, станция забита товарняками. Андрей перепрыгнул через сливной ров, нога скользнула по шпале, и он неожиданно для себя упал на щебень, услышав откуда-то ближе к красному светофору:
— Кто тут? По путям ходить нельзя!
— Это я, мам,— смущенно поднимаясь с земли и отряхивая пальто, ответил Андрей и добавил, оправдываясь: — Скользко здесь. Не пришла еще сменщица?
— Не пришла. Дома у нее что-то.
— Метелка у тебя, мать, совсем жиденькая. Я нарежу завтра новых прутьев.
— Нарежь, сынок. Последняя метелка-то пообтрепалась вся, а на складе нет.
— Я с утра пойду, как светать начнет,— осторожно сказал Андрей, вслушиваясь в зачастившее после его слов дыхание матери.
Она ответила не сразу. Андрей не видел ее глаз, хотя она и смотрела на него и, как показалось ему, смотрела очень долго, все еще не решаясь сказать главное. Ведь завтра утром он мог бы идти в школу и никто бы там не напомнил ему о взятой накануне справке, что он учится в девятом классе.
— Иди... с утра, сынок.
— Тебе помочь?
— Я управилась. Все уже повыметено, повычищено, а заносы кончились. Вот гляжу, как бы не заронилось чего, стрелку бы не заклинило,— неторопливо говорила мать, и Андрей почувствовал в ее успокаивающемся голосе доверчивую надежду, что он не подведет. И было немножко жутко от мысли, что все решилось так просто: будто кто-то по его желанию передвинул стрелки и без всякого удивления сказал: «Ты хочешь в эту сторону? Кати!» А в «этой стороне» было все ново и все неизвестно, и «катить» пока еще не представлялось как.— Ты иди, сынок, иди. Светка теперь, небось, от страха в одеяло с головой прячется.
Андрей не стал петлять по закоулкам пристанционных построек и пошел между двумя составами — так короче и надежней. Услышав во второй раз предупреждающий голос матери: «Поосторожней, сынок! Скорый на подходе!» — он оглянулся, но уже не смог различить в темноте ее маленькую фигуру, даже зеленый огонек светофора заслонился густым туманом.
Андрей шагал, едва не касаясь плечом товарных вагонов. В тишине сыпуче шуршала мелкая щебенка. Ему нравилось, как мимо него медленно проплывала неподвижная гора вагона или округлые бока нефteналивной цистерны. А вот открытая платформа, плотно заставленная контейнерами. На одном из них то ли высоко задранная доска, то ли кусок жести, оторвавшийся от крыши. Андрей уже хотел поймать в темноте силуэт следующего вагона. вдруг непонятный предмет на крыше исчез, и не было слышно ни звука, ни шороха. Это показалось несколько странным. Неужели человек? Тогда почему он на крыше? Зайцами удобней добираться в тамбурах: и тепло и безопасно.
А может быть, и не было никакой доски, просто почудилось ему?
Не отрывая взгляда от подозрительного контейнера, Андрей на ощупь подобрал несколько крупных камней и побросал их по одному: первый недалеко от себя, потом все дальше и дальше по направлению к станции, и стал ждать. Доска на контейнере появилась снова и стала похожа на человека, стоящего на коленях.
Андрею стало страшно, что-то противно ноющее поползло по всему телу, и не было сил сдвинуться с места.
— Ты... ты чего там?..— тихо спросил Андрей и сжался от сознания, что в ответ двинут его чем-нибудь тяжелым, но, к его удивлению, человек поднялся во весь рост и посмотрел вниз.
— Так и думал — ты это. Камушки бросаешь!..— проговорил человек знакомым голосом. — Я за тобой давно одним глазом слежу. Думаю, чего он тут шастает! Ха-ха! Лезь ко мне. Здесь обозреньице, я тебе скажу, и камушки бросать поточней можно, не по колесам.

— Это ты, Петька?..
— Ну, я.
— А чего ты там?..
— Кто-то лису дохлую на контейнер бросил. С вечера вожусь, никак шкуру не сдеру. Мерзлая.
— Не врешь?
— Мне никто не верит, а я не жалуюсь,— бодро ответил Петька.
— Она не протухла? — с некоторым сомнением спросил Андрей.
— Я ее жрать не собираюсь. А шкуру с хвостом директриса клуба просила достать. Говорит, в кино бесплатно пускать будет.
— А-а-а,— удовлетворенно промычал Андрей и, смеясь в душе над своими страхами, стал взбираться на борт платформы.— Дай руку, контейнер какой-то скользкий...
— Не смеши. В рабочий класс подаешься, а на крышу подсадить просишь!
— Я так... Заледенело все.
Андрей скользил по стенке носками ботинок, бился коленями, подтягивался на руках почти на уровень крыши, но так бы, наверно, и не влез, если бы не помог Петька. Поднявшись, осмотрелся и заметил под ногами Петьки вместо лисы гвоздодер и дрель.
— Ты это... зачем? — указал Андрей на инструменты.
— Будто не знаешь,— с иронической усмешкой ответил Петька.— Что, перетрусил? Пройдет. Понимаешь, от весовщика случайно узнал, транзисторы в контейнере привезли. Мне всего пять штук, по шесть червонцев за каждый. Возьму верняком! Как?
— Не хочу!
— Тебя никто и не заставляет.— Петька презрительно плюнул с крыши на землю.
— И ты уйдешь отсюда, понял? Уйдешь!
— Не ори! — пригрозил Петька.— А то пополам перешибу!
— Я не ору,— чуть тише сказал Андрей, покосившись на гвоздодер в Петькиной руке.— Я матери стрелки помогал чистить, чтоб поезда... А ты грабить!
— Ну, ты, помягче! — процедил Петька сквозь зубы.— И проваливай, пока цел, к мамкиным стрелкам. Да чтоб без трепа! — предупредил он.— На всякий пожарный твои отпечатки здесь остались.
Андрей понуро слез с крыши и действительно зашагал в сторону светофоров, где работала мать. Он боялся оглянуться, может, потому что слишком страшным показался в руках Петьки гвоздодер.
Когда ломаная тень Андрея пропала в темноте, Петька еще несколько минут стоял неподвижно, чувствуя, как страх перед неизвестностью охватывает его. Длинные железнодорожные составы будто колыхались в темно-матовом воздухе и безмолвно надвигались на Петьку. Почему они так давят на него? Ведь он не раз катался в тамбуре до соседней станции и днем и ночью. И было совсем не страшно, когда какой-нибудь железнодорожник гонял его с палкой «от головы до хвоста» поезда. А он смеялся взахлеб: попробуй догони самого быстроногого и ловкого среди мальчишек поселка!

Он весь напрягся, как пружина, упрямо боднул головой темноту и сел на край крыши, вслушиваясь в знакомые шумы станции. Уловил в темноте шаги и поспешно распластался на крыше, головой в ту сторону, откуда доносился шорох щебня. Гулко и часто стучало сердце, словно пыталось оттолкнуться от ржавой крыши контейнера. Шаги приближались. Петька настороженным взглядом выхватил из темноты фигуру человека и еще плотнее прижался к крыше. Кровь заколотилась в висках, в голове звенело. Человек проплыл совсем рядом, унося за собой размеренный хруст щебня. Облегченно вздохнув, Петька привстал на колени, осмотрелся и взял дрель. Послышалось тихое шуршание сверла, словно в зернохранилище заскреблась мышь. Петька решил высверлить несколько отверстий подряд, чтобы потом проделать гвоздодером дыру в крыше контейнера.
— Петька! — неожиданно услышал он недалеко от себя дрожащий, приглушенный голос и замер.— Где ты?
Приподняв голову, Петька заметил Андрея и шумно выдохнул:
— А-а-а! Вернулся. Залазь по-быстрому!
На этот раз Андрей забрался на крышу без помощи Петьки, отыскал у него под ногами гвоздодер и дрель, молча взял и швырнул в соседний вагон с углем.
— Так будет лучше, Петь.
— Ты чего?.. Сдурел? — И Петька, порывисто дыша, вплотную подступил к Андрею.
— Петька! Ты же комсомолец!
— Механически выбыл!
— А совесть?
— Заткнись!
— Уйдем отсюда! — негромко, но требовательно прозвучал голос Андрея.
— Ты чего пристал? — И Петька стал угрожающе надвигаться на Андрея. — А ну, катись!
— Не уйду!
— Не уйдешь? — И оба, сцепившись, глухо упали на крышу контейнера. Замелькали кулаки, загромыхала крыша. Шумно сопел Петька, от его злых ударов сдавленно постанывал Андрей. Не удержавшись, они сорвались с контейнера и упали на щебень. Охнув, Петька отвалился в сторону, а Андрей, поднявшись и не взглянув на него, неторопливо пошел по направлению к станции. Петька выкрикнул ему вслед:
— Ну, обожди! Я тебе сделаю! — Он пожалел, что, падая, оказался под Андреем и больно ударился о щебень. А то бы у него была хорошая возможность проучить этого мамкиного сынка.
И все же, несмотря на боль в боку, Петька ощущал какую-то непонятную радость. Уж не потому ли, что не вскрыл контейнер и завтрашний день будет таким же, как вчерашний, и все будут по-прежнему называть Петьку Вьюна просто хулиганом?

Глава III

То ли от легкого весеннего морозца, то ли от первого прилетевшего скворца, высунувшего голову из нового скворечника, Петька ощущал такой прилив силы, что, казалось, перемахнет двухметровый забор без разбега или на полном ходу товарняка взлетит на подножку. Петька даже представил, как он лихо одолевает забор, за которым его встречает городской тренер по прыжкам в высоту и приглашает к себе в секцию, пророча ему титул олимпийского чемпиона. И вот он уже видит себя во главе спортивной делегации, его показывают по телевизору, и поселковые ребята с Андреем Самариным и Любкой Новоскольцевой завистливо таращат глаза, слушая диктора, который на весь Советский Союз и на весь поселок объявляет: «А это на ваших экранах идет наш новый олимпийский чемпион Петька Вьюн, взявший с первой попытки целых два с половиной метра. Прыжок двадцать первого века...»

— Ну, в кого ты такой уродился! — оборвал Петькины мечты голос матери.— Я дров жду, а он столбом стоит!

— Мам, как думаешь, забор я перепрыгну?

— Тебе калитки нет? Мне чтоб сейчас же дрова у печки были!

— Сказал — наколю, значит, наколю.— Петька взял топор и оглядел кучу напиленных с осени чурбаков, в беспорядке лежавших у сарая. Он отобрал несколько, бросил на середину двора и взглянул на мать. — Чего раздетая вышла? Застынешь.

— Я привычная. Смотри, топор слетает, ненароком бы в голову не угодил.

— Не слетит. Я топорище расклинил.

Петька установил поустойчивей шишковатый чурбак, поплевал на ладони и занес топор за спину, через голову.

— Не карауль, мам, а то зашибу! — и с лэгкнм выдохом воизил лезвие топора в надтреснувший верх чурбака.

— Ты его оставь, Петюш. Не расколоть. Вишь, он какой крепкий.

— А я что — слабак? — И Петька, собравшись в единый комок мускулов, с натугой поднял чуть повыше головы топор с чурбаком, развернул обухом к земле и ударил в пень, на котором кололи дрова. К Петькиным ногам легли сучковатые половинки.

Часть наколотых дров Петька отнес в дом, оставшнеся сложнл в коридоре. Матери их хватит дня на два. Мелькнула мысль сходить к деду Авдею, он, иаверно, дома. Как бы он не вспомнил про лед у колонкн. Петька забыл поколоть его. Надо ночью, чтоб никто не видел. А что еслн сейчас?

Петька открыл калнтку, посмотрел, нет ли кого у колонки, помялся в нерешительности, затем схватил приставленный к воротам лом и побежал колоть лед. Частыми, тороплнвыми ударами взламывал труднопреодолнмую для деда Авдея «высотку». Острые пласты льда, которые мешали работать, Петька отшвыривал ногами.

— Давно бы так, внучок! Не все шалопаем быть. Вот н за ум взялся.

Бабка Матрена, поставив ведра и уложив на них коромысло, выжидающе стояла за спнной Петьки.

— Не за ум, а за лед.

— А я нду н думаю,— усаживаясь на перевернутое ведро, начала рассуждать бабка Матрена,— кто зто нашу колонку обхаживает? Нанялся али как?

— Угадала. По рублю со двора.

— Ишь какой прыткий, за деньгн-то. За такую-то уймищу и я смогу. Каждый деиь али как?

— По средам и пятницам,— продолжая торопливо скалывать лед, ответил Петька.

— Везет тебе, Петька, пра, везет,— с завистью всплеснула руками бабка Матрена.— У нас, поди, к етой колонке, никак, дворов сорок ходят. Деньжища-то какая.

— Оно ничего, да отец ругается,— бодро ответил Петька, скосив взгляд иа обратившуюся в слух бабку Матрену.— Говорнт, стыдился бы стариковским делом заниматься.

— Пра, внучок! Святые слова отцовские! — Бабка Матрена прнподнялась в напряжении и подумала: «За такне-то деньги все лето аржаным хлебом порося кормнть и кормить».— Ты уж уступн место, внучок, старухн ради! — проснельным голоском запричитала она, подступаясь к Петьке.

— Тяжело-о!

— Нешто не справлюсь? — И руки бабкн Матрены жадно ухватилнсь за лом.

— Тогда коли,— как бы милостиво, но с неохотой, согласился Петька.— Зарплату у дядн Феди Погорелова получать будешь. Утром, в понедельник! — уже на ходу крикнул он через плечо, некоторое время с усмешкой наблюдая, как бабка Матрена старательно ворочает тяжелым ломом.

Петька смело постучался в дом Новоскольцевых. Он знал, что в нем, кроме деда Авдея, никого нег, мать и отец Любки на работе, а сама она в школе. Дверь открылась не сразу. Петька ждал долго, пока не услышал шаги в коридоре и сухое знакомое покашливание. Заскребся крючок в петле, и в приоткрытую дверь высунулась седенькая голова деда Авдея.

— Как здоровье, дедуль?

— Да хожу помаленьку. Ну, сказывай, хитрая бестия, зачем пришел?

— Про самолет узнать...

— Про какой-такой самолет? — нахохлившись, переспросил дед и, чтобы поверней слышать, приставил к уху вздрагивающую ладошку.

— Ты же мне рассказывал.— У Петьки вкралось сомнение, не рассказал ли ему дед услышаниую от кого-то историю.— Ну тот, что в пруд упал?

— Понятно — рассказывал,— удовлетвореино ответил дед Авдей и стал застегивать верхнюю пуговицу на рубашке.— Эх, как меня пронимает. Видно, помру скоро, Петька. В такое-то солнце тепла не чую. Заходи в дом.

— Дедуль, пока погода теплая, сходим на пруд, а?

— Это по какой иадобностн? — насторожился дед.

— Ты мне самолет покажешь. Где упал.

— Ну, чего ты заладил с энтим самолетом? — вспылил дед.— Упал и упал. Мало ли нас попадало за войну-то, поди, и косточек не осталось.

— Дедуль! Ну, одевайся, я тебя на улице подожду,— продолжал нетерпеливо упрашивать Петька, легонько заталкивая в коридор деда Авдея.

Закрыв за иим дверь, он сел на крылечко и подумал, как было бы здорово найти самолет и узнать имя погибшего летчика. Может, у него родственники где и отец жив, такой же старенький, как дед Авдей. Вот здорово будет! А летчику в поселке памятник поставят, высокий белый обелиск с макетом самолета на вершине. И на крыльях звезды. А Петьке за зто вручат путевку на поездку в Москву, в музей Советской Армии.

— Слышь, Петька,— послышался за спиной дедов голос,— дорога-то, поди, заледенела, не дойти мне.

— Дедуль, я же с тобой.

Петька, придерживая за плечи деда Авдея, помог ему спуститься с крыльца и выйти со двора иа улицу. Когда они уже шли по утоптанной вдоль забора тропке, Петька запоздало смекнул, что их путь проходит как раз мимо колонки, где трудится бабка Матрена. Поглядывая то на шаткие дедовские ногн, то иа бабку, тыкавшую тяжелым ломом в ледяные надолбы, Петька с опаской ждал встречи. Предложнть деду пойти на пруд другой дорогой он ие решился, как бы совсем не отказался, но и представить, что дед Авдей пройдет ммио бабки, не перебросившись с ней двумя-тремя словами, просто невозможно.

— Как пить дать, бабка Матрена околь колонки кренделя выписывает.

— Она...— неохотно подтвердил Петька.

— Я н говорю. Никак, штурмует! — Дед Авдей даже губами почмокал от удовольствия, но потом нахмурнлся и посмотрел на Петьку.— Знать, ие покопол горку-то,— сказал с обидой.— О мертвых печешься, а о нас, стариках, не думаешь. Оно, конечно, Матрене-то воды таскать не перетаскать. Сколько живности в хозяйстве: н корова, и свинья, и гуси. Одних курей, счнтай, полста наберется. Ни один базар без нее.

Петька, поддерживая деда под руку, пытался ускорить шаг и побыстрей уйти от колонки. Он чувствовал, как стал упираться дед Авдей, голова его с ост-

рым, посиневшим носом, словно флюгер, упорно держала направление на бабку Матрену.

— Бог помощь, Матрена! Что это ты, а? Никак, за доброе дело взялась?

— Чать, платить будут.

— Знамо, ходить,— подтвердил дед Авдей.— Кхе, кхе, кхе! Ишь, сколько намахала!

— Тяжело, Авдеюшка, руки выламывает, а все прибавка к пенсии.

— Прибавили мне пенсии, уж какой раз тебе говорю — прибавили,— заворчал недовольно дед Авдей.— Ты ей про кучера, она те про лисапед. Тьфу ты, мать те в горькую! — ругнулся он, порываясь подойти поближе к колонке.

— Пошли, дедуль,— крикнул Петька на ухо деду и добавил, уже тише: — А то она меня за гусей коромыслом приложит! — И потянул за собой упиравшегося деда.

Тот долго ворчал на бабку Матрену и лишь возле плотины, переводя дух, успокоился. Что-то вдруг мягким светом пролилось в старческих глазах деда Авдея, пролилось и погасло. Он медленно и неуверенно сел на выступавшую из снега коряжину на берегу пруда, положил натруженные руки на острые, выпиравшие из брюк колени и долго, вздрагивая головой и плечами, смотрел на белое, почти не исчерканное следами ледяное поле. Петька не мешал ему, не торопил с рассказом. Пусть поживет дед Авдей хотя бы в памяти той жизнью, которую не привелось увидеть Петьке и его сверстникам.

— Вот она, судьбинушка солдатская. Идешь-идешь и не знаешь, где ляжешь, и никто над твоим прахом слезы не обронит. Вот здесь он и лежит, Петька,— указал дед Авдей ближе к тому месту, где плотина подходила к берегу, рядом со ставком, через который местные жители годами спускали воду из пруда на огороды.— А ежели рассудить, мог и дале к середине лечь. Где стоишь ты, окоп мой был. Как раз околь тебя. Не только мне пришлось увидеть, как он одного с крестами срезал. С крестами-то за станцией свалился, опосля его ребятишки на игрушки растащили, а наш-то сюда, выходит.— Дед Авдей вздохнул, уставившись невидящими глазами в безмолвный лед пруда.— Так меня водой и окатило с ног до головы. Я ить его, сердешного, до самой земли провожал. Авось выпрыгнет, помочь там. А он так и вошел... в самолете... Без вести пропавший...

— Я его найду, дедуль! Честное слово, найду! А это не бомба упала, дедуль? Которая водой тебя?

— Эх, внучок, внучок! — укоризненно покачал головой дед Авдей.— Что вчера было — ветерком в памяти проносится и следа нет, а что в жизни войной тронуто — крепкими узелками завязано. Умирать буду — вспомнится. Она ить меня, война-то, вдоль и поперек железом изъездила. Када мне не веришь, Саньку кривого спроси,— обиженно закончил дед.— Он поближе меня сидел.

— Какого Саньку?

— Как же ты Саньку не знаешь? — с упреком проговорил дед Авдей.— Федьки Погорелова старшой брательник.

— Как не знать! Он заходил к нам!

— Ну и поспрошай его, коль знаешь. Промерз я с тобой тут. Приду домой, и погреться нечем, старуха все попрятала.— Дед Авдей, покряхтывая, выпрямился и повернулся лицом к поселку.

— Дедуль, я сбегаю! У меня два рубля есть!

— Цыц! — сердито прикрикнул на Петьку дед Авдей.— Прежде ходить по земле научись, а не за бутылками бегать!..

В этот же день Петька отыскал дядю Саню Погорелова, и, к великой Петькиной радости, тот почти полностью подтвердил рассказ деда Авдея.

Глава IV

С утра начало припекать солнце, пробуждая угомонившиеся с вечера ручьи. Закисал набухающий влагой снег. Со старых, с прозеленью крыш станционных складов по сосулькам стекала вода.

Петька в расстегнутом демисезонном пальто в поисках дяди Феди прыгал по шпалам к станции. Лицо его раскраснелось, в глазах пузырилась радость. Застланные узорчатой коркой льда лужи он перелетал с ходу. Не беда, что высушенные за ночь ботинки опять полны воды, а мокрые штанины брюк липли к икрам. Полный вперед! Сегодня у него настоящее дело, и, наверно, потому весь день обещает светить солнце. Только что он отослал на пруд несколько знакомых четвероклашек, они понесли туда трубу, которую он купил у Самарина, и лом, взятый со двора. Нужно еще хотя бы пару ломов, но никто из соседей не дал ему, и тогда он решил найти дядю Федю, который должен быть где-то на станции, и попросить у него. Поиск дяди Феди он начал с пивной, но там его не оказалось. Похмелился и ушел, как сообщил буфетчик. Петька не унывал. Он знал все тайники и закоулки обширного станционного хозяйства, где бы мог уединиться и «промочить» горло дядя Федя. Обследовав дальние склады, Петька наконец увидел его. Тот разгружал вагон, наверно, по просьбе начальника станции, так как был воскресный день и бригада грузчиков не работала. Возле массивной двери склада, пригревшись на солнце, дремал весовщик — приемщик грузов, а дядя Федя — вся спина в сахарной муке,— покряхтывая, переносил мешки.

Петька прислонился боком к просыхающей стене склада и стал украдкой наблюдать за работой грузчика. Ему нравилось смотреть, как многопудовые мешки с сахаром легко взлетали на спину дяди Феди, словно невесомые пуховики.

«Силен!» — восхищенно подумал Петька.

— Эх-ма, разогнись, спина! — заметив Петьку и словно любуясь своей работой, воскликнул дядя Федя.— Помогай, заработок поделим.

— Мне бы пару ломов, дядь Федь.

— Чего-о! Ломо-ов?

— Ну да, ломов,— повторил Петька.— Лед колоть.

Погорелов отряхнул руки, разбудил весовщика, сказав, что придет минут через двадцать, и снова обратился к Петьке:

— Что ж отец, не мог ломами запастись? Такое-то хозяйство...

— Был один — затерялся,— соврал Петька и пошел вслед за Погореловым к наспех слепленной пристройке у соседнего склада.

Получив ломы, он с некоторой нерешительностью взглянул на Погорелова, потер нос и сказал:

— Дядь Федь...

— Опять чего-то?

— Мне бы рублей пять, дядь Федь...

— Ишь ты — пять рублей. А как отдавать будешь?

— Папан на кино часто дает. Сэкономлю.

— Экономный какой. Смотри — не напейся.

— Что ты, дядь Федь. На табачок пойдет,— сказал Петька, торопливо пряча пятерку в карман.

Он еще не знал, куда и как потратит ее, но пятерка лежала в кармане, и от этого как бы прибавлялось самостоятельности: можно сходить на танцы, угостить знакомую девчонку мороженым и пополнить запас табака для трубки. Кстати, не забыть зайти в магазин за леденцами для пацанов.

С кульком леденцов Петька заторопился к пруду; четвероклашки были давно уже там и заждались его.

Неожиданно повстречалась Любка Новоскольцева. Синеглазая, веселая, как всегда, она стояла перед ним, облизывая кончиком языка капризные губы.

— Петя? — с некоторым удивлением встретила она его.— Почему ты с ломами? На работу устроился?

— Да так,— неопределенно ответил он и поинтересовался: — Что-то я деда Авдея не вижу. Не болеет?

— К сыну в город уехал. На неделю.

— А ты чего такая...— Петька долго подыскивал нужное слово,—...расфранченная?

— К Сергею иду. Потом в город поедем. В театр.

— Нашли куда,— презрительно усмехнулся Петька.— А я вечером на хоккей поеду. Это тебе не то что фифочек разодетых смотреть.

— Не пойму я тебя, Петь...— Любка заправила выбившийся локон под шерстяную спортивную шапочку.— Всегда один и один. Скучно быть одному, правда?

— А ты о моем настроении не беспокойся. Оно у меня, как небо: то ясное, то в облаках. Переменчивое, в общем,— усмехнулся Петька и поставил ломы торчком в снег.

— Ты все шутишь.

— А чего ж не шутить? Время есть. Это у вас все — шпаргалки да шпаргалки. А я сам себе указка.

— Тебе, конечно, хорошо шутить. Ты в школу не ходишь — уроки не учить. А тут каждый день графики замучили.

— Ха! — тряхнул Петька вихрастым чубом.— Что же ты тогда не бросишь школу, как я? Так сказать, не возьмешь продленные каникулы для поправки здоровья? Мама не велит?

Люба молчала, поглядывала то на свои лаковые сапожки, то на Петьку, потом вдруг резко ответила:

— Дурак ты, Петька! — и сама испугалась: такого оскорбления Петька ни от кого не потерпит, даже от самой красивой девчонки класса.

Но Петька только презрительно ухмыльнулся.

— Во-во! Петька — дурак. А Любка умная, она в институт метит, и дед Авдей носит ей воду мыть красивые ножки. А ну, катись, кукла, пока нос не выдернул! — И Петька, надвинувшись грудью на Любку, захлебнулся от душившей его ярости.

Со страхом глядя в злые Петькины глаза, Новоскольцева попятилась, повернулась и побежала. Уже с безопасного расстояния она крикнула:

— Хулиган! Тебя скоро в тюрьму посадят!

Петька не сдвинулся с места, он лишь плюнул под ноги и направился на окраину поселка, к пруду. Уже издалека он заметил суетившихся на льду ребятишек. Когда подошел ближе, они с криками «ура!» устремились к нему и наперебой стали рассказывать, где пробили лунки и какой толщины лед.

— Сколько лунок пробили? — спросил Петька.

— Пять. Через три метра, как ты и говорил.

— Гожо, — похвалил Петька и быстрым шагом пошел на середину пруда мимо горок свежеколотого льда; рядом с ним гурьбой бежали ребятишки. Петька обследовал каждую пробитую лунку и снова похвалил: — Гожо. Еще штук пятьдесят продырявим — хорош. Осилим?

— Оси-илим! — дружным хором ответили ему.

— А где ваш командир? — поинтересовался Петька.

— Колька за плотиной. Проволоку ищет, трубу прочищать.

— Хорошо. Ты будешь его заместителем. Значит, у нас три лома. Получается на каждый лом по четыре носа. Соображаешь?

— Так точно, соображаю! — И рука мальчишки ткнулась ладонью в шапку.

— Действуй! А я пойду намечу, где лунки бить...

Петька вынул из кармана перочинный нож и, отсчитывая шагами расстояние, стал чертить на льду круги. К одному из них уже подбежало четверо ребятишек, и самый проворный принялся долбить ломом лед, а остальные за его спиной нетерпеливо ждали своей смены.

Пока Петька размечал лунки, кто-то из пацанов услужливо принес стул и поставил возле лунки. Командир Колька приволок из-за плотины проволоку, очень длинную и погнутую, которую тут же, возле Петьки, стал выпрямлять о коленку и заталкивать в трубу. Лед на пруду гудел от стука ломов. Разгоряченные работой ребятишки поснимали пальто и варежки, лед из лунок выгребали голыми руками. Прочистив трубу, Колька по распоряжению Петьки отнес в каждую группу по горсти леденцов, быстро вернулся и устроился на собственной шапке возле Петьки. Тот сидел на стуле, следил за работающими и курил свою знаменитую трубку. Вначале он думал отослать Кольку в какую-нибудь группу, но, поразмыслив, оставил возле себя. Он понимал, что все это игра, но очень уж интересно было почувствовать себя полководцем.

Через некоторое время стали подходить командиры групп, потные и счастливые; они с радостными глазами докладывали о выполнении задания, плотно сгрудившись вокруг Петьки. Тот встал, с торжественным видом вручил Кольке, как обещал, трубу и, посоветовав, чтобы начинал с первой лунки, снова уселся на стул. Ребятишки дружно подцепили трубу и затолкали одним концом в прорубь. Другой конец крепко держал Колька.

— Отходи! — приказал он и, подождав, пока все немного отодвинутся от проруби, начал дуть в трубу, косе глазами на поверхность воды — не покажутся ли пузыри. Они обязательно должны были появиться, потому что Петька предусмотрительно насверлил почти до половины трубы на ее стенках небольшие дырочки.

— Ура-а-а! Пошли-и-и! — ликующе закричали ребята, заметив, как запузырилась вода.

— Дуй в следующую,— приказал Петька.— Да чтоб пузырей побольше. Бельмекаешь?

— Бельмекаю.

Петька уже не замечал суетившихся ребятишек, казалось, что ему нет до них никакого дела. Его больше заинтересовал приближающийся к ним незнакомый мужчина. Как бы кто из мальчишек не оказался его сыном, тогда от скандала не открутишься. А посмотришь — с виду добряк добряком. Видал он таких добрячков!

— Уверен, передо мной большой любитель природы.

— Любитель,— нехотя ответил Петька, разглядывая мужчину и словно оценивая, помешает ему тот или нет.

— Приходи к нам на Коммунарную. Я запишу тебя и твоих ребят в активисты по охране рыбных богатств. Молодцы! Рыбу от замора спасаете.

— Ха! Мне эта рыба — как твоей престарелой теще велосипед!

— Что-что? — опешил мужчина от такого ответа и некоторое время растерянно смотрел на нахально ухмыляющегося Петьку, потом взглянул на ребятишек и снова на него.— Ну, конечно. Я не по адресу обратился. Ты не из тех, кто дружит с природой.

— Лю-би-тель,— с презрением проговорил Петька и пустил длинный шлейф дыма в спину мужчине, повернувшегося к ребятишкам.

Вскоре Петька услышал, как тот спросил их:

— Что-то я не пойму, ребята, чем вы занимаетесь? Не припомню такого метода...

— А мы по очереди рыбам кислород через трубу

вдуваем. Петька говорит, когда пузыри поднимаются, рыбки их хватают и дышат. Петька все знает!— ответил один из ребят.

— Какие же вы несмышленыши! — с ноткой покровительства и сочувствием сказал мужчина.— Любой ученик должен знать: вдыхаем что? Кислород! А выдыхаем углекислый газ.

— Смотря кто. Уж вы дыхнете — угореть можно,— услышали все насмешливый Петькин голос.

Оскорбленный мужчина, бормоча что-то о воспитании, зашагал прочь.

Часа два ушло на то, чтобы вдуть в каждую лунку «кислород», но Петька терпеливо ждал, хотя ему, как он признался совершенно искренне прохожему, было не до рыб. Главное было сделано, по всему пруду пробито более пятидесяти лунок, а одному ему такую работу за один день, конечно бы, не осилить.

— В последнюю вдули! — еще не отдышавшись, с довольным видом доложил командир Колька, отстраняя руками сверстников, чтобы никто из них не мог ближе подойти к Петьке.

— Хорошо.— Петька встал со своего тронного места и пожал Кольке руку.— На сегодня, я думаю, хватит.

— Мы еще хотим по разу в каждую прорубь подуть! — чуть ли не хором запротестовали ребятишки.

— Идет,— после некоторого колебания согласился Петька.— Но пока отнесите ко мне все три лома, пообедайте, а после дуйте, сколько влезет... Командир Колька, строй отряд, и на обед.

— А ты остаешься?

— Остаюсь. Трубу караулить. В случае, если меня не будет, отлучусь куда, я ее за плотиной в снег закопаю. Найдете?

— Найде-е-ем! Ура-а-а! — И ребята, похватав ломы, наперегонки ринулись в поселок, оставив далеко позади командира Кольку.

Петька выждал, когда шумливая толпа ребят скрылась за домами, взял трубу и изо всех сил вогнал ее в прорубь. Десятиметровая труба вошла лишь наполовину. Петька и раньше знал, что даже на середине пруда не слишком большая глубина, в пределах четырех метров. Петька орудовал трубой, как ломом, прощупывая дно пруда. Он переходил от лунки к лунке, вонзал трубу вертикально, под углом, стараясь по возможности не пропустить ни одного квадратного метра неисследованного дна. Вода потемнела уже во многих лунках, и Петька стал сомневаться в том, что сможет найти самолет. Он стал склоняться к мысли, что дед Авдей просто ошибся или, еще хуже, придумал. Петька сбросил пальто, шапку, пиджак, его уже покачивало от усталости, когда вдруг труба ударилась обо что-то твердое. Петька сделал несколько осторожных тычков в подозрительное место и, убедившись, что не ошибся, повалился боком на снег. Так он пролежал несколько минут, неотрывно смотрел на лунку и грыз кусочки льда. Потом встал, пошатнулся от усталости и побрел к берегу, подобрал у одной лунки шапку, у другой пиджак и пальто.

«Вот повезло! Рядом с плотиной лежит!»

Привалившись спиной к старому осокорю, Петька долго потирал рукавом лоб и все смотрел на издырявленный лунками пруд. «Надо спросить деда Авдея: воронки от снарядов такие же, как лунки, или нет? — подумал Петька, но тут же посмеялся в душе над своей наивностью.— Снаряд жахнет — весь лед к небу подымется, а уж оттуда,— усмехнулся,— в виде мокрого дождя и снега».

Петька еще раз бросил короткий взгляд на пруд и направился в поселок, но через несколько шагов резко остановился и снова, после секундного колебания, вернулся к лунке, в которой торчала труба. Будто еще сомневаясь, он поворошил трубой по дну, несколько раз наклонно вогнал ее в ил, потом вытащил и отбросил на несколько метров в сторону. Если бы кто был рядом, мог бы услышать, с каким облегчением вздохнул Петька.

«Выходит, не выдумал дед Авдей,— заключил Петька.— Если так, то нужно сгомонить плот. С лодкой дело срывается».

Еще Петька подумал, что неплохо бы найти ребят здоровых и сильных, как он. А одному поднять не под силу. Может быть, и удастся что-то придумать, но на придумывание и на подъем уйдет уйма времени, что никак не увязывалось с его планами. Петька покопался в памяти, кому бы можно доверить тайну, но, к своему удивлению, подходящих друзей у него не нашлось. И это расстроило его до такой степени, что он остановился и с тревогой подумал о своем неожиданном, неприятном открытии. Петька почувствовал отчаянное одиночество: некому рассказать о тревожных сомнениях и не на кого опереться. Не бежать же к дяде Феде с рассказом о находке в пруду! Он же с первых слов засмеет и за пол-литром в магазин отправит. А что, если заглянуть к Сергею Можаруку? Он приглашал и говорил, будто отец его тоже ничего не имеет против Петьки. Может, и действительно не имеет. Еще лучше, конечно, если никого из родителей не будет дома. Неужели они в выходной день будут домоседничать?

Петька решительно сунул руки в карманы и пошел по направлению к дому Можарука. С Сергеем можно поговорить о находке. Он неплохой парень, только квелый и на математике помешан. Хотя что, каждый на чем-то помешан: Любка — на нарядах, а он сам на радиотехнике.

Около дома Можарука Петька остановился, вспомнил, что сегодня поссорился с Любкой и она сейчас у Сергея, злая на него не меньше, чем бабка Матрена. Впрочем, он способен заставить Любку повременить с высказыванием своего мнения.

Петька нажал на дверную ручку и оказался на светлой, с ячеистыми окнами веранде. Он уже слышал голоса и смех, кто-то негромко пел под гитару.

«Да тут целый шалман собрался,— с некоторой завистью подумал Петька.— Одного меня, наверно, не хватает!»

В большой, просторной комнате за столом и около окон сидели парни и девчата, о чем-то спорили. Жидковолосый парнишка, уединившись возле книжного шкафа, бренчал на расстроенной гитаре. Многих Петька встречал на улице, но близко знаком был только с Андреем и Любкой. Вон тот, у окна, с тетрадкой в руке и карандаш грызет... кажется, это он у него рубль «одолжил». Петька встретился с ним взглядом, но глаз не отвел: подумаешь — рубль! Раскричаться надумает, так черт с ним — кричи, от Петьки не убудет и не прибудет, и терять здесь ему нечего — ничего еще не нашел. Да и вряд ли найдет. Разве Серега лишь. Но Любка-то как на него уставилась, с усмешечкой богини, к которой пришли на поклонение. Привыкла!

Петька презрительно сморщил нос.

— У кого ты так губами работать научилась?

— Не у тебя, конечно.

— Это уж точно. У зеркала.

Сергей Можарук, чувствуя завязывающуюся ссору, поспешно поднялся навстречу Петьке.

— Я рад видеть тебя. Честное слово! Садись.

— Боюсь, меня в этой компании обидеть могут,— проговорил Петька с иронией, присматривая себе место.

Петька взял свободный стул и прошел к телевизору, подобрал на полу программу и стал читать. У не-

го не было желания начинать разговор. Начнешь еще не с того конца — и ссора, снова один. А так хоть поговорить есть с кем. Уж больно дни его стали длинными и до того свободными, что он успел их возненавидеть, готов был подарить каждому, кто куда-то торопится, спешит. Дед Авдей говорит, что в жизни у Петьки пока остановка. Ну что ж, у скорого поезда тоже свои остановки!

Петька положил программу на телевизор и с ухмылкой посмотрел на компанию. Почти все — кто украдкой, кто открыто — разглядывали его, и никто не решался заговорить первым, тогда ведь невольно придется оценивать Петькино появление в квартире Можарука. Петька как бы принес с собой тишину, которую не так-то просто было нарушить. На это тоже требовалась определенная смелость.

— Слышал, в театр надумали...— начал Петька.

— Надумали.

— Билета у вас, конечно, нет для меня?

— Аншлаг.

— Ну, и спасибо. Петька на плохие пьесы не ходит.— Он с силой сдавил пальцы левой руки, лежавшей на коленях, и добавил: — На хорошие тоже.

— Ну, чего ты, Петь,— примиряющим голосом начал Можарук.— Ребята на все сто, нормальные. Плохого тебе не скажут.

— А я ненормальный, понял? Видишь, как они смотрят все на меня? Ну, да я стараюсь быть сегодня необидчивым...

— Тебя обидишь, как же! Всем нам ты в этом деле форы дашь!— подал голос Петькин «кредитор».

— После дождичка! Понял? — осек его Петька и поднялся со стула.— В театр я и без вас схожу. Можете обсуждать образ Павки Корчагина без меня. Я к вам за помощью пришел. Не разевай рот, Любка, больше копеечной монеты не брошу! Так вот, дед Авдей станцию нашу во время войны освобождал. Над станцией был воздушный бой, и одного нашего подбили. Дед говорит, будто самолет в пруд упал. А летчик не выпрыгнул.

— Дедушка мне про это не рассказывал,— пыталась что-то вспомнить Любка, поглаживая красиво изогнутые брови.

— А дед Авдей разве воевал в Отечественную? Он же старее пруда. Я у него не видел ни одной награды на празднике Победы.

— И я тоже не помню наград у него,— подтвердила Любка.

— Мне отец рассказывал, ты медалями в песке играла, когда тебе пять или шесть лет было,— ответил ей Петька.— О его наградах все точно сказано в военкомате. Ну, а самолет я нашел, кажется. Трубой сквозь лед проверял...

— Ха-ха! — хохотнул кто-то из сидевших.— Прошлой осенью мой дядя на «Беларуси» дорогу по льду пруда сокращал. Сам выплыл, а «Беларусь» плавать не научил!

— Давайте вместе поищем,— предложил Петька.— Я прорубей штук пятьдесят набил...

— А может, действительно трактор? — засомневался Сергей.

— Дед из ума выжил, а вы его слушать.

— Что же ты предлагаешь?

— А ничего не могу предложить, потому и пришел к вам. Хотел лодку купить — отец денег не дал. Плот сколотить?..

— Идея! С плота удобней рыбу удить.

— Брось шутить! А вдруг дед верно говорит?!

— Вполне возможно.

— Есть идея,— поднял руку, как в классе, Петькин «кредитор»,— взорвать плотину! Нужно только найти динамит.

— А что тебе скажет на это дядя-начальник и разрешит ли он вообще взрыв в поселке? — с иронией спросила Люба.

— Никто, конечно, плотину разрушать не разрешит.

— А я не верю Петьке,— заговорил молчавший до сих пор Андрей.— У меня есть основания не верить. Да и у вас тоже.

— Стрелки вспомнил! — ухмыльнулся Петька.— Ну подожди, я тебе рожу почищу! — и угрожающе сжал кулаки.

— Да что вы, ребята! Бросьте ссориться,— начал успокаивать Сергей.— Ну и что, если нет там ничего на дне!

В это время «кредитор» взял гитару и стул, сел прямо против Петьки и, побренькивая, запел:

Мы тебе чуть-чуть, конечно, верим,
Но к чему плотину разрушать?
Шевельни-ка своим мозгом серым
И сумей без нас поразмышлять.

Почуяв обидное, Петька сжался весь, ссутулился, едва сдерживая закипающую злость.

— А ну поднимись, поэт! Под-ни-мись!

— Петька! — испуганно закричала Любка Новоскольцева, но Петька уже поднял за грудки «кредитора» и с такой силой ударил его в подбородок, что тот мешком повалился под стол. На мгновение все утихло, потом кто-то истошно закричал:

— Сережа! За отцом беги! За отцом!..

Петька, готовый ко всему, крупными шагами пошел к выходу, у двери остановился и сказал:

— Не забудьте умыть придворного сочинителя!..

Уже на улице Петька почувствовал, как на глаза навертываются слезы. Они стекали по щекам и жгли у переносицы. Петька стыдился их, на улице было много прохожих, и он свернул в первый попавшийся переулок, где можно потереть лицо снегом и, ни о чем не думая, смотреть в небо, где нет ни пруда, ни поселка, ни людей. Только облака да ветер, ветер да облака. И еще солнце. Всегда и во все времена. И дед Авдей в войну так же смотрел в небо и видел то же, что Петька. Нет, дед Авдей видел еще воздушный бой и сбитый самолет с красными звездами на крыльях. Все же чертовски жаль, что не родился Петька лет за двадцать до Отечественной войны...

Немного успокоившись, Петька решил идти домой, но, вспомнив про деньги в кармане, повернул к пивной. Около нее, особенно по выходным дням, толпилось много подвыпивших мужичков. Петька, глотая полуоткрытым ртом едкий прокуренный воздух и опасливо бегая глазами по спинам — нет ли отца в пивной,— с трудом протиснулся к прилавку. С кружкой пива Петька забился в угол. «Шевельни мозгом серым»... Я тебе шевельну!.. Пятерочники!..»

Домой Петька пришел, когда начало темнеть. Во дворе его встретила мать. Она была без пальто, с вязанкой дров на левой руке.

— Это ты, Петюш? Что обедать не приходил?

— Я у дру... друга пообедал...

— Да ты никак выпил, Петюш! — И мать с горестным всхлипом приникла головой к дровам.

— Ты чего, мам?..

— Занедужилось мне,— заплакала в голос.— Что ж мне теперь, обоим по утрам в постель воду носить?!

— Не надо, мам... Я же... так получилось...— Петька тоскливо посмотрел на мать.

(Окончание следует)